
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1976

XXII Московская городская партийная конференция

КОММУНИ

Коммунисты столицы!.. Эти слова звучат обязывающе и гордо. Не случайно запевалами многих новаторских замыслов и свершений, испытанными вожаками масс неизменно выступают партийные организации столицы. В их рядах — почти миллион надежных, идейно закаленных бойцов, идущих в авангарде предсъездовского социалистического соревнования. Они успешно решают задачу, поставленную XXIV съездом КПСС,— превратить Москву в образцовый коммунистический город!

XXII Московская городская партконференция работала в обстановке тесного единения коммунистов, всех трудящихся столицы вокруг Центрального Комитета КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК товарищем Л. И. Брежневым.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили делегаты товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева. Руководители Коммунистической партии и Советского государства единодушно избираются в состав президиума конференции. Здесь же — партийные, советские и государственные деятели, ветераны революции, передовики и новаторы производства, работники науки и культуры, представители Вооруженных Сил СССР.

С отчетным докладом Московского горкома партии выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Пятилетний план развития народного хозяйства города выполнен по всем основным показателям, причем по объему производства в промышленности — на четыре с половиной месяца раньше срока. Сверх задания изготовлено продукции на несколько миллиардов рублей. Промышленное производство за минувшее пятилетие увеличилось на 37,6 процента. Производительность труда в промышленности возросла на 37,1 процента. Прибыль увеличилась в 1,7 раза.

Докладчик призвал еще выше поднимать звание члена партии, уделять больше внимания воспитанию коммунистов, особенно молодых, создавать в каждой парторганизации атмосферу взаимной требовательности.

В обстановке высокой взыскательности и принципиальности обсуждали делегаты отчетные доклады горкома партии и ревизионной комиссии.

Делегаты были едины в горячем одобрении внутренней и внешней политики ленинской партии, деятельности Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Видеть перспективу, быть на стрежне технического прогресса, неустанно овладевать искусством экономии, решительно изживать недостатки — идти к новым высотам! Эти мысли красной нитью связали все выступления, прозвучали в докладе секретаря МГК партии Л. И. Грекова о проекте ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Делегаты говорили о единодушном одобрении, с которым встретила трудовая Москва этот политический документ.

С заключительным словом выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК партии В. В. Гришин.

В единодушно принятой резолюции намечена широкая программа действий, нацеленная на успешное претворение в жизнь новых ответственных задач. Конференция заверила Центральный Комитет партии, его Политбюро, Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева, что коммунисты, все трудящиеся столицы полны решимости отдать свои силы, знания и опыт осуществлению планов созидания, которые определит грядущий, XXV съезд партии.

Участники конференции с огромным воодушевлением приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

На пленуме Московского горкома партии первым секретарем МГК КПСС вновь избран член Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин.

В зале заседаний. ▶
Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2536)

14 ФЕВРАЛЯ 1976

сты столицы

В президиуме во время работы съезда.

Фото В. Егорова (ТАСС)

XXII съезд ФКП закончил работу

С 4 по 8 февраля в парижском пригороде Сент-Уэне проходил XXII съезд Французской коммунистической партии. На съезде присутствовала делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко, а также представители 87 коммунистических и рабочих партий, национально-освободительных и демократических движений. Съезд одобрил программный документ «Чего коммунисты хотят для Франции» и доклад ЦК ФКП, сделанный Генеральным секретарем партии Ж. Марше.

6 февраля в Нантере, административном центре департамента Верхняя Сена, состоялся массовый митинг международной солидарности. Встреченный продолжительными аплодисментами, на митинге выступил глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко. Его речь была выслушана с большим вниманием, неоднократно прерывалась аплодисментами. А. П. Кириленко вручил приветствие ЦК КПСС XXII съезду ФКП и передал Красное знамя — памятный подарок ЦК КПСС съезду французских коммунистов.

8 декабря состоялся пленум ЦК ФКП, избранного на съезде, который переизбрал Жоржа Марше Генеральным секретарем ФКП.

Наш Взгляд

ЗАКРЕПИТЬ ДОСТИГНУТОЕ

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

«В международной политике явно наступило похолодание», — вещает Г. Коль, лидер ХДС — оппозиционной партии ФРГ. «С Хельсинки покончено», — бездумно бросает французский журнал «Экспресс». Газета «Франкфуртер альгемайне» утверждает, что в Бонне якобы царит разочарование по поводу результатов политики разрядки. Главарь родезийских расистов Смит также спешит разделаться с разрядкой, громогласно заявляя, что она дала осечку.

Каждому разумному человеку понятно, что осечку дала не политика взаимопонимания и сотрудничества народов, а попытка реакционных кругов вернуть человечество назад, к временам «холодной войны». Процесс разрядки, несмотря на трудности, продолжается. Он подошел к порогу нового важного этапа. Предстоит закрепить достигнутые результаты и разрядкой военной. Как раз на этом концентрирует внимание Советский Союз. Но, судя по всему, именно на этом участке решили дать главный бой силы «антиразрядки». Чтобы сорвать разоружение и продолжать гонку вооружения, они подняли сейчас шумиху об «угрозе с Востока», о «чрезмерных вооружениях СССР».

На днях американский журнал «Ньюсуик» поместил интервью с верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе генералом А. Хейгом. Интервью весьма напоминает игру в поддавки. Как вопросы, так и ответы замешены на одной и той же лжи о «стратегической угрозе Западу со стороны России». Схема игры обкатана. Вначале утверждается, что разрядка «усыпляет НАТО, внушая ложное чувство безопасности». Затем делается главный вывод, ради которого журнал и переводит бумагу: дескать, пора «восстановить решимость» и обеспечить соответствующую «западную мощь», другими словами, страны НАТО не должны скупиться на новые военные ассигнования.

Нельзя сказать, что вся эта заранее продуманная игра не приносит результатов тем, кто ее затеял. Военные расходы Пентагона увеличиваются в следующем финансовом году до 100 с лишним миллиардов долларов. На вооружение западногерманского бундесвера в 1976 году будет израсходовано на 11 процентов больше, чем год назад. Заправилы НАТО выкручивают руки другим членам блока, чтобы выбить из них новые миллиарды на гонку вооружений.

Нынешняя вспышка антисоветизма и антикоммунизма на Западе является, несомненно, еще и озлобленной реакцией на те глубокие социальные перемены, которые происходят в мире. Острейший экономический кризис потрясает капиталистическую систему. Растет политическая неустойчивость во многих буржуазных странах. Крепнет решимость развивающихся стран стать хозяевами своей судьбы. Проще всего свалить вину за все эти беды капитализма на разрядку, на «руку Москвы».

Какие только небылицы не распространяют средства массовой информации на Западе, чтобы бросить тень на миролюбивую политику СССР и оболгать разрядку! Черным по белому пишут, что «разрядка превратилась в улицу с односторонним движением в пользу Кремля», что под ее прикрытием «Западная Европа становится коммунистической». Лидер западногерманских ультра Штраус запугивает публику перспективой того, что через 10 лет Европа будто бы «станет марксистской», а парижская «Орор» малюет призрак «советского наступления на всех направлениях».

Нельзя не видеть, что, нагнетая страсти, определенные круги преследуют собственные внутриполитические цели. Ведь это факт, что кое-кто в США использует «антиразрядку» как инструмент предвыборной борьбы, говорит языком «холодной войны», рассчитывая на благосклонность военных корпораций и консервативных слоев избирателей.

Особенно много шума вокруг Анголы. Кое-кто угрожает, что если не будет прекращена помощь народному движению за освобождение Анголы, то с разрядкой будет покончено.

Стоит ли отвечать на всю эту трескотню? Осуществляя курс на разрядку и мирное сосуществование, мы не брали и не могли брать на себя обязательства гарантировать социальный статус-кво на земном шаре. Да такие гарантии просто немыслимы, ибо невозможно диктовать законы общественного развития. Социальные конфликты и национально-освободительная борьба — внутреннее дело той или иной страны.

Процесс разрядки уже принес весомые плоды. Все видят, какой огромный вклад в дело упрочения мира вносит Советский Союз. Разрядка распространяется на новые сферы международной жизни, становится всеобъемлющей и необратимой. За океаном против нее походом идут могущественные силы. А результат? Опрос общественного мнения, проведенный службой Харриса, показал, что две трети американцев высказываются за продолжение сотрудничества с СССР, за политику разрядки. Красноречивые данные!

Жизнь полностью подтверждает вывод Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о том, что «международная разрядка во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием». Горизонты нашей планеты должны стать чище и яснее.

1.

Забастовка горняков Аппалачского бассейна в США превратилась в крупнейший трудовой конфликт. Полицейские с помощью дубинок попытались расправиться с участниками марша бастующих в Чарлстоне.

2.

«Французская кинематография должна жить!» — с таким лозунгом вышли на главную магистраль Парижа — Елисейские Поля — десятки кинорежиссеров, актеров, искусствоведов Франции. Своей манифестацией они еще раз решили привлечь внимание властей к кризисному состоянию, которое переживает национальное киноискусство.

3.

Большой митинг, посвященный переходу нефтяной промышленности под контроль государства, состоялся близ нефтяной скважины «Сумаке-1», расположенной недалеко от поселка Мене-Гранде, центра богатого нефтеносного района Венесуэлы. Именно со скважины «Сумаке-1», открытой в 1914 году, началась эксплуатация нефтяных богатств страны. 1 января 1976 года был подписан закон о национализации нефти Венесуэлы.

4.

Еще одна группа английских наемников направляется в Анголу. Вербовка и подготовка ландскнехтов проводятся в рамках плана, составленного ЦРУ, разведывательными службами ЮАР и ряда западных стран.

Между тем, по сообщению американской телевизионной компании Эн-би-си, 14 английских наемников, поняв, по-видимому, всю бессмысленность авантюры, отказались идти в бой и потребовали немедленного возвращения на родину. Тогда их командир приказал расстрелять всю группу. И 14 человек были хладнокровно убиты.

5.

В федеральном суде Сан-Франциско (США) идет суд над Патрицией Херст, дочерью известного газетного магната Рандольфа Херста. Ей предъявлены обвинения «в вооруженном ограблении банка и использовании огнестрельного оружия для совершения уголовного преступления».

6.

Землетрясение, которое обрушилось на Гватемалу, унесло более 6 тысяч человеческих жизней. Несколько тысяч жителей столицы страны — города Гватемалы — ранены. Город, частично разрушенный землетрясением, остался без воды и электричества, нарушена телефонная связь.

Фото ТАСС

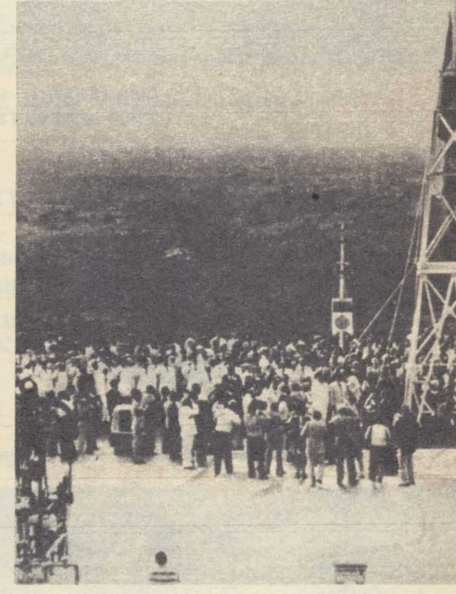

1.

2.

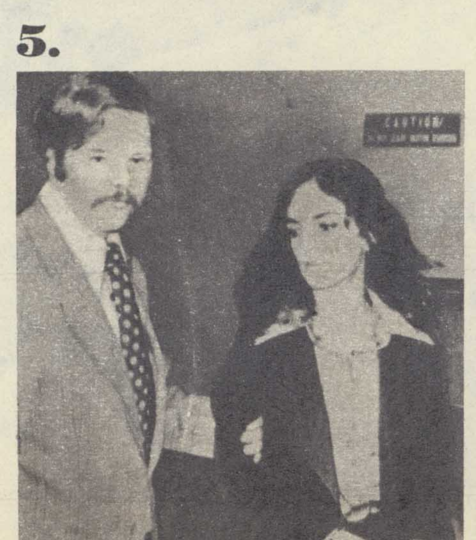

3.

4.

5.

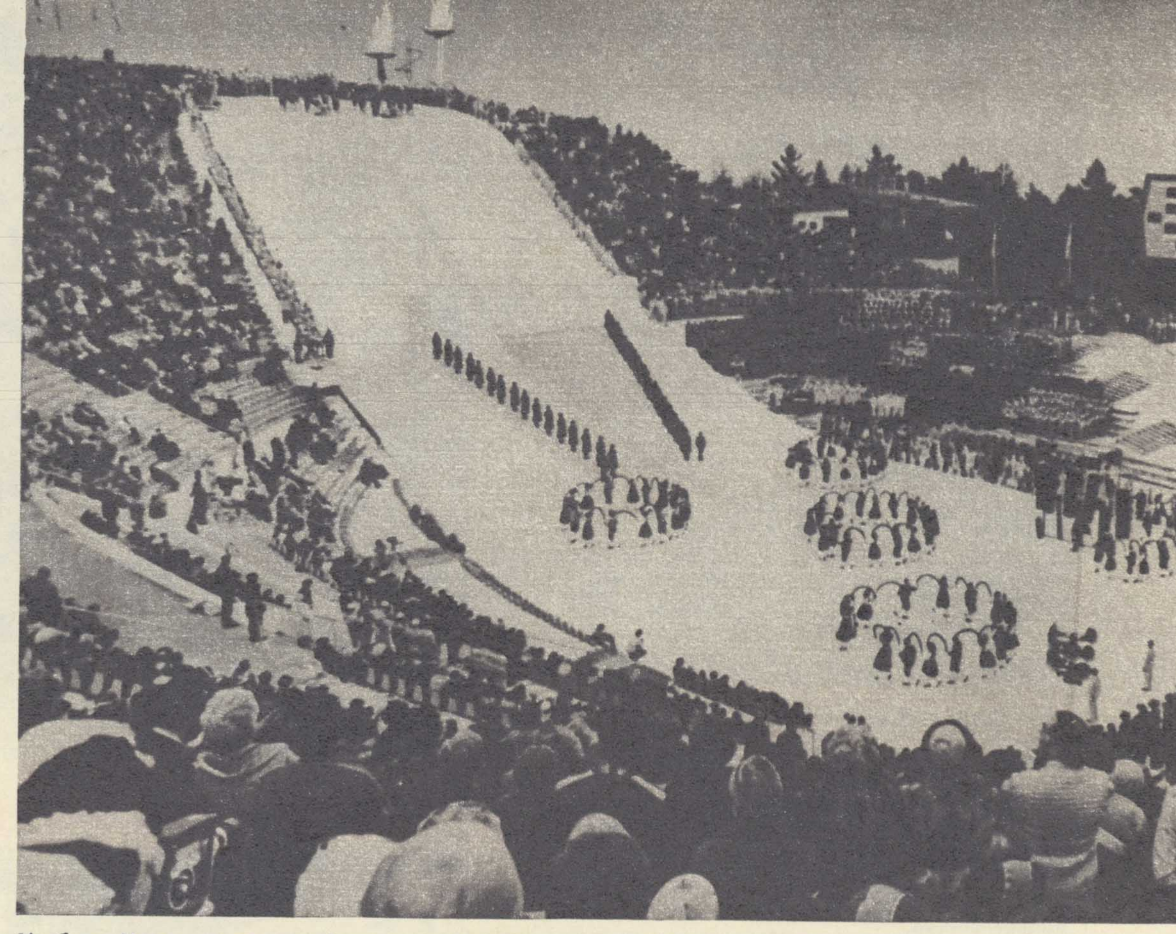

6.

Олимпийская чемпионка в беге на 1 500 метров Галина Степанская.

Инсбрук. У подножия горы Бергизель. Праздник открытия XII зимней Олимпиады.

ОСТАНОВИСЬ,

Первый чемпион инсбрукской Олимпиады — Сергей Савельев.

Двенадцать олимпийских дней! Как это много и как мало...

Две недели напряженнейшей борьбы, в которой принимают участие самые лучшие мастера зимнего спорта — лыжники, слаломисты, конькобежцы, фигуристы, биатлонисты, саночники, двоеборцы, хоккеисты, прыгуны с трамплина и бобслеисты. В такой борьбе каждая сотая секунды весома, но как быстро проносятся эти секунды, минуты и даже дни! Давно ли мы приехали в Инсбрук, и вот уже половина олимпийской программы выполнена, а когда этот номер журнала дойдет до читателя, завершится и вторая ее половина.

Но пока мы считаем не дни, а баллы и метры, минуты и секунды и даже сотые доли секунд.

Лишь одна сотая секунды отделила бронзового призера Олимпиады в беге на коньках среди женщин на 3000 метров норвежку Л. Корсму от занявшей второе место спортсменки из ГДР 15-летней А. Мичерлих. Давно ли было время, когда судьи при определении победителей у конькобежцев вели учет только десятых долей секунды? Тогда бы эти спортсменки разделили вторую ступеньку пьедестала почета, а на верхнюю

«Самые трудные пять минут в нашей жизни»— так потом скажут о своем выступлении олимпийские чемпионы Ирина Роднина и Александр Зайцев.

МГНОВЕНЬЕ!

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»
Телефото В. ЗУФАРОВА и В. УН-ДА-СИНА (ТАСС)

См. стр. 32.

все равно поднялась бы наша замечательная конькобежка Татьяна Аверина — так много значат 0,04 секунды, на которые она опередила свою соперницу.

Золотая медаль в беге на 3000 метров стала четвертой медалью Т. Авериной на этой Олимпиаде. «Золото» на 1000-метровке, две «бронзы»— на 500 и 1500 метров — завоевала Татьяна в Инсбруке. Вместе с золотой медалью на дистанции 1500 метров, которую выиграла в первый день состязаний Галина Степанская, это очень весомый вклад в копилку советской команды.

Мы смотрели выступления наших женщин-скороходов вместе с Лидией Скобликовой, завоевавшей, как известно, на Олимпиаде-64 здесь же, в Инсбруке, все четыре золотые медали. Надо было видеть, как волновалась и радовалась Скобликова, когда Татьяна Аверина уверенно (пусть простит читатель мне эту неожиданную рифму) шла от победы к победе.

И я убежден, что достигнуть этого Аверина смогла потому, что в команде царил дух несокрушимого товарищества, потому что в команде все были за одного и один за всех.

...Успеха на льду мы могли ожидать, не боясь подвохов от ледового стадиона. А вот успехи на лыжне зависели во многом и от самого снега.

Если вы думаете, что спортивные обозреватели, приехав в Инсбрук, прежде всего бросились в олимпийскую деревню, то ошибаетесь. Журналисты устремились на встречу не со спортсменами, а со снегом. В Инсбруке им не пахло. Сухой асфальт. Теплое, совсем весеннее солнце, и только вершины горного хребта Нордкете, протянувшегося над городом, успокоительно сверкали снежной белизной. Но высота хребта 2700 метров, а лыжные гонки и слалом проводятся на высоте 1300. Есть ли там снег?

Пресс-центровская машина промчала нас вдоль берега быстрой горной реки Инн, чье имя носит Инсбрук, и устремилась вверх. А снега все не было. Все выше забирается дорога, а на кручах такая же сушь, как на улицах города. Только после 30 минут быстрой езды, когда от высоты уже стало закладывать уши, появились под соснами сперва платочки снега, потом скатерти, затем — ковры, и вот он, Зеефельд, перед нами, утопающий в розовато-голубых скрипучих сугробах. Как же он не похож на тот городок, по окраинам которого 12 лет назад — когда снега не оказалось даже здесь, не только в Инсбруке, — пролегли две мокрые, тающие под скользящими поверхностями лыж снежные полоски.

У зеефельдского пресс-центра толпилась группа журналистов, и я услышал, как один из них, обозреватель из ГДР, сказал своим товарищам:

— Ну, вот теперь мы можем приступать к работе.

А работа и спортсменам из ГДР и его журналистскому эскорту

Советские туристы на открытии Олимпийских игр.

КУРСОМ НОРМАЛИЗАЦИИ

Десять месяцев в Ливане не прекращались ожесточенные бои. Гражданская война унесла 10 тысяч жизней из трехмиллионного населения страны, не считая многих десятков тысяч раненых. В городах разрушены не только отдельные дома, но и стерты с лица земли целые кварталы.

Когда было объявлено новое, двадцать шестое по счету, соглашение о прекращении огня, жители страны встретили его с настороженностью и с особой надеждой. В арабском мире и за его пределами высоко оценивают мирную инициативу, проявленную Сирией, ее посреднические шаги, направленные на то, чтобы помочь соседней стране выйти из кризиса и положить конец страданиям ливанцев.

Обстановка в Бейруте и других районах Ливана постепенно нормализуется. Соглашение о прекращении огня осуществляется по всей стране. Его соблюдение контролирует высший ливано-сирийско-палестинский военный комитет. Вооруженные столкновения практически прекращены. Власти принимают меры, чтобы наладить снабжение столицы продовольствием. Серьезное внимание уделяется восстановлению водопроводной сети и системы энергоснабжения Бейрута, а также обеспечению столицы горючим. Активизировалось городское движение, постепенно стали открываться магазины и кафе.

План политического урегулирования предполагает осуществление ряда мер социально-экономического характера, направленных на обновление структуры ливанского государства и перестройку некоторых его государственных институтов в соответствии с требованиями современности. В частности, эти меры должны включать программу реформ, выдвинутую национально-патриотическими кругами Ливана, с целью создания «нового Ливана». Предусматривается равное представительство в парламенте мусульманской и христианской общин в соотношении 6 к 6 (на каждые шесть депутатов мусульман — шесть депутатов от христиан вместо существующего соотношения 6 к 5 в пользу христиан), выборы премьер-министра парламентом (а не утверждение его президентом), а также устранение из жизни государства религиозных привилегий для тех или иных общин.

Мировая общественность с удовлетворением отнеслась к прекращению огня в Бейруте и достигнутому там при содействии Сирии компромиссу между политическими партиями. Однако процесс урегулирования внутреннего кризиса в Ливане пришелся явно не по душе израильским руководителям. Как в течение всего кризиса, так и сейчас военные круги и пропагандистские органы Тель-Авива проводят различные акции, направленные на подрыв спокойствия в Ливане и организацию различных провокаций. Бейрутская газета «Аль-Анвар» отмечает, что Израиль готовит широкие агрессивные акции против Ливана с целью вновь создать напряженность в стране. Тель-Авив планирует направить удар по палестинским лагерям и, возможно, оккупировать южные районы Ливана.

Пропагандистские органы Израиля, используя средства массовой информации, начали в последние дни распространять провокационные призывы к христианам Ливана переходить границу Израиля и оставаться там на жительство в связи с тем, что они якобы подвергаются гонениям в Ливане.

С угрозами в адрес Ливана выступил премьер-министр Израиля И. Рабин, заявив, что Израиль «не останется безучастным», если события в Ливане примут нежелательный с точки зрения Тель-Авива оборот.

Свои угрозы израильские агрессоры подкрепляют частыми вооруженными провокациями против Ливана, регулярным нарушением воздушных, сухопутных и морских границ страны.

Политические цели Тель-Авива очевидны — нанести удар по палестинскому освободительному движению, подтолкнуть события в Ливане к расчленению этой страны. Факты показывают, что Ливан может решить свои проблемы, если империализм и сионизм прекратят губительное вмешательство во внутренние дела этого государства.

На одной из улиц Бейрута. Фото ТАСС

В. ДУНАЕВ

ТОВА

Утром 11 сентября 1973 года в Сантьяго, у стен дворца «Ла-Монеда», в огне фашистского костра горела национальная реликвия Чили — оригинал первой конституции страны. Пламя пожирало не просто листы бумаги, в нем исчезали чаяния и стремления миллионов

И. Лаврецкий. Сальвадор Альенде. М., «Молодая гвардия», 1975, 287 стр.

АНТОНОВСКИЙ ДИАПАЗОН

А. СТАНИСЛАВОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

РИЩ ПРЕЗИДЕНТ

чилийцев. А через несколько часов солдатские сапоги, растоптавшие конституцию, тяжело прогремели по коридорам «Ла-Монеды», и пули убийц поразили президента Сальвадора Альенде. Так чудовищно началась чилийская трагедия.

«Я не люблю громких фраз. Мои поступки — лучшее доказательство моих стремлений. Сегодня я могу всех заверить, что я непоколебимо решил свершить волю народа и сделать все, что в моих силах, чтобы покончить с нищетой и болезнями, дабы чилийский народ стал действительно свободным и счастливым. Такова наша цель, она благородна, и только смерть может помешать мне достичь ее». Эти слова сказал Альенде на следующий день после победы на президентских выборах, за три года до гибели. Он просил называть себя «товарищ президент», полагая, что это обращение наилучшим образом символизирует «новый, народный, революционный характер высшей государственной должности».

Десятилетия становления характера и политической борьбы, стремительные три года президентства и один день фашистского переворота — о них пишет в вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книге «Сальвадор Альенде» И. Лаврецкий.

Это политическая биография, и начинается она с сентябрьского воскресного утра 1916 года в Сантьяго, когда адвокат дон Сальвадор Альенде Кастро решил познакомить своих сыновей Альфреда и Сальвадора-младшего, или Чичо, как ласково называли его в семье, с достопримечательностями столицы Чили.

Так учился постигать будущий президент историю своего народа, в борьбе за свободу и независимость которого пролили немало крови его предки — члены семьи Альенде. Сподвижники легендарного О'Хиггинса, «отца нации и основателя чилийского государства», они сражались с испанцами в составе известного партизанского отряда «Гусары смерти». Самым знаменитым представителем рода Альенде был дед Чичо — по прозвищу «Красный Альенде»: чилийцы говорят, что «память о нем будет жить, пока люди будут бороться за великие идеалы свободы и справедливости».

На этих традициях формировался характер Сальвадора Альенде. Он постепенно входил в политическую борьбу. Сапожник, анархист Хуан Демарчи познакомил лиценста Сальвадора с социальными утопиями прошлого и рассказал о строительстве нового общества в Советской России.

Студент медицинского факультета национального университета в Сантьяго Альенде изучает труды Маркса, Энгельса, Ленина, становится убежденным антиимпериалистом. Альенде специализировался в области социальной медицины, и работа его на этом поприще была неотделима от политической борьбы.

Долгий путь пришлось пройти Сальвадору Альенде до того, как стал он первым президентом-социалистом республики Чили. Вот его этапы — глава организации Народного фронта в Вальпараисо, депутат парламента, заместитель генерального секретаря социалистической партии, министр здравоохранения, председатель сената.

Друг кубинских революционеров, друг Че Гевары, Альенде с сочувствием следил за вооруженной борьбой в соседних с Чили странах. Когда Че Гевара погиб в Боливии, сенатор Альенде сделал все возможное для спасения пятерых его соратников-партизан, интернированных чилийскими властями,— он лично добился их освобождения и сопровождал пятерых бойцов в самолете до острова Пасхи, а оттуда до Таити, где были они уже в относительной безопасности. Такие эпизоды, а также страницы, где рассказывается об Альенде, гармонической личности — человеке, любившем литературу и искусство, занимавшемся спортом, писавшем книги по медицине, дружившем с поэтом Пабло Нерудой, художниками Сикейросом и Риверой, счастливом семьянине и отце,— придают чрезвычайно насыщенной политической информацией работе Лаврецкого необходимую для жанра биографии завершенность.

Альенде не был коммунистом, но был близок им, и примечательны приводимые в книге слова Луиса Корвалана: «Сальвадор Альенде проделал огромную работу по политическому воспитанию народных масс. В значительной мере политическая культура нашего народа приобреталась на слух, во время выступлений его лидеров. И в этом отношении Сальвадор Альенде особенно выделялся».

Высокое мужество проявил Сальвадор Альенде в последние часы своей жизни. Он не воспользовался представившейся ему возможностью спасти свою жизнь, заявив об отставке. Он, пришедший к власти законным, мирным путем, в результате победы на выборах, с оружием в руках защищал честь президента республики до последнего вздоха.

Печальны последние страницы книги, но сквозь трагедию, боль и тревогу пробивается в них надежда — чувство, основанное на бессмертии идей, за которые отдал жизнь товарищ президент.

Н. КОЛОСОВА

У Генерального конструктора Олега Константиновича Антонова широкий круг интересов: живопись, спорт, экономика, социология. Но главная страсть Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, депутата Верховного Совета СССР — самолеты, вернее, летательные аппараты.

Сам Олег Константинович утверждает, что мечтать о небе начал с тех пор, как помнит себя. Юношей организовал из саратовских школьников кружок любителей авиации и построил планер «Голубь» собственной конструкции. Этот планер на Втором всесоюзном слете планеристов принес его 17-летнему автору грамоту за удачную конструкцию.

Позже, когда учился в Ленинградском политехническом институте, Олег Антонов вместе с Павлом Цыбиным создал учебный планер «Стандарт-1». Основная схема «Стандарта» стала классической для учебных планеров.

После окончания института молодого специалиста О. Антонова назначили руководителем конструкторского бюро и единственного в мире завода по производству планеров. На планерах конструкции О. К. Антонова (а они выпускались тысячами) как до войны, так и после нее были установлены десятки, сотни всесоюзных и мировых рекордов.

После закрытия завода планеров Олег Константинович пошел работать в большую авиацию. В 1943 году, в пору, когда начинал создаваться знаменитый ЯК-3, Олег Константинович стал первым заместителем А. С. Яковлева.

После войны для сельского хозяйства страны нужен был достаточно мощный, но простой в обслуживании и неприхотливый в эксплуатации самолет. Такой самолет — АН-2 был создан О. Антоновым, который стал уже руководителем самостоятельного КБ. АН-2 нашел самое широкое применение в народном хозяйстве, у него 18 модификаций!

Шли годы. В конструкторском бюро О. Антонова рождались большие пассажирские самолеты, которые летают на многих авиалиниях страны. В 1955 году появился АН-8, первый в Советском Союзе тяжелый транспортный самолет с двумя турбовинтовыми двигателями. При грузоподъемности 11 тонн он мог взлетать с грунтовых аэродромов, и длина его разбега не превышала 700 метров. Потом АН-10; ему на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году присудили Большую золотую медаль и диплом. Затем появился АН-12. Этот более чем пятидесятитонный гигант первым из машин такого класса совершил посадку на дрейфующую льдину, на нем был осуществлен гигантский прыжок из Москвы в Антарктиду. В 1962 году на трассы вышла машина АН-24, широко используемая теперь для пассажирских перевозок.

Сегодня конструкторское бюро, возглавляемое О. К. Антоновым, отмечающим в эти дни свое семидесятилетие, работает над новым поколением нашей авиации. В тесном содружестве с учеными, двигателистами и другими специалистами отыскиваются оптимальные конструкции и закладывается будущая безопасность перевозок. Новые времена требуют новых решений.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный
корреспондент «Огонька»

Фото В. Бородина

С Дмитрием Гавриловичем Карцевым я познакомилась тринадцать лет назад. Он был тогда еще молодым человеком, по-юношески вспыльчивым и впечатлительным, порой во вред себе прямолинейным. Однако самой примечательной чертой его характера была бескорыстная верность делу, этакая неукротимость в достижении поставленной цели. Помню, как в ту пору он с Огневым потребовал поднять нормы, предварительно подведя под них техническую базу. С предложения Огнева и Карцева и начались личные и бригадные планы, получившие вскоре распространение по всей стране.

О Карцеве в «Огоньке» был напечатан очерк, вернее, о Карцеве и Огневе. Огнев и в партию рекомендовал Карцева. Спустя годы на страницах газет замелькают их фамилии, неизменно идущие рядом. А потом засверкают у них на груди ордена Ленина, а у Арефия Ивановича Огнева и золотая звезда Героя Социалистического Труда, которую он получал в Кремле, будучи делегатом XXIV съезда КПСС.

И вот январь 76-го...

Все тот же цех тяжелых паровых молотов Горьковского автозавода, наполненный ревом бушующего пламени в печах, орудийным грохотом ударов, от которых вздрагивает земля, алым свечением раскаленного металла. Тот и не тот. Тот, тринадцатилетней давности, не просматривался насквозь, в нем стоял густо-синий нерассасывающийся чад,— печи работали на мазуте, теперь — на природном газе и электричестве. Появились новые прессы из Воронежа и Эрфурта. Обновились корпуса и станины старых молотов. От иных сохранились лишь названия — все узлы заменены. Вокруг агрегатов много всяких приспособлений. Сам Бусыгин не нашел бы устройств, с помощью которых он когда-то ковал коленчатый вал к грузовику «ГАЗ-30», хотя и наведывается сюда частенько. Есть чему порадоваться прославленному ветерану: живут, здравствуют, множатся добрые традиции. Недаром в объединении «Автогаз» кузницу называют кузницей починов. Кузнец Карцев первым берет повышенные обязательства. Теперь он задает тон.

В одной с Карцевым шеренге идут Литонов, Кощеев, Семенов. А недавно многотиражка подле фамилии бригадира поставила еще одну, новую — Пичужкин.

Радостно было убеждаться в том, что за все эти годы успехи не вскружили голову Карцеву. Не всякий способен устоять... Не выдержал же, например, испытания славой молодой кузнец этого цеха, назовем его Женей С. Хороший кузнец, специалист своего дела, и все складывалось у него хорошо. Портрет на почетном месте висел, депутатом избрали. Александр Харитонович Бусыгин подружился с Женей, считал своим подшефным. Это о нем тепло рассказывал Бусыгин, когда был в редакции «Огонька» на встрече героев первых пятилеток; это ему вручил, как символ преемственности поколений, свою каску. Кинооператоры запечатлели на пленку тот волнующий момент. Словом, входил в историю...

И вдруг этот Женя через некоторое время резко оборвал на наряде мастера:

— Ты мне какую деталь записал? Сам ее делай!

В другой раз снова ультиматум:

— Низка расценка. Ничего не заработаешь. Не возьму!

Карцев, когда узнал об этом, а он партгрупорг, тринадцать лет уже партгрупорг, едва сдержал свое негодование:

— Неправильно себя ведешь. Ты не имел права отказываться. Коммунист должен быть скромным. Пересмотри свои позиции. Налаживай отношения с мастером.

Но того уже занесло, и чем дальше, тем круче. Начинался учебный год. У Жени спрашивают: «Ты где будешь заниматься?» «На подготовительном в институт». «Отлично. Желаем успехов». Прошел месяц, другой, интересуются у Жени: «Как учеба?» «Ничего, нормально». В январе отпуск ему надо бы брать для зачетов, но С. что-то молчит. В чем дело? «А я бросил!» «Э, нет, — сказали тогда Жене. — Так не положено коммунисту!»

Решение партгруппы было суровым: выговор. Партбюро и собрание утвердили такое решение. Теперь этот эпизод уже в прошлом. Женя тяжело переживал происшедшее, многое передумал, нашел в себе силы выровняться. Но что стало бы, если бы коллектив не поставил С. на место!

Карцев — полная противоположность С. Да, он привык быть первым. Он знал: первым подать голос, проявить почин не так уж сложно, во сто крат труднее выполнить свои обязательства. Он знал: никакой поблажки, никаких скидок ему не будет, никаких особых условий ему никто создавать не станет. Тем строже должен он спрашивать сам с себя, тем требовательнее должен быть к каждому члену бригады. Убедился: не всегда все зависит от них самих — и от ремонтников, от инструмента, от калибровщиков, поставляющих заготовки, и все же шел вперед — только вперед!

Приближалось тридцатилетие великой Победы. Из цеха после смены они вышли вместе — Карцев и Захаров. Нагревальщик Владимир Андреевич Захаров — бессменный профгрупорг, правая рука бригадира, верный товарищ и старый друг. Продолжался меж ними разговор, начатый еще в обед. Все о том же. Карцеву вспомнилась война, был он тогда мальчонкой, но она и его не обошла стороной: потерял отца. Как сейчас, предстал перед глазами тихий осенний день, когда в Жадино ворвались фашисты. Спрятавшись за плетнем, мальчик со страхом смотрел, как оккупанты выгоняли скот, волокли подушки и перины...

Отступая, враг сжег все до единого дома и постройки. Люди ютились в опустевших блиндажах. А потом был день, когда Димка бежал, не разбирая дороги, по полю, проваливался по пояс в рыхлый мартовский снег, подымался, кричал «Ура!» и снова бежал к зеленому танку с красной звездой.

...За проходной они не скоро разошлись. Не спеша двинулись в сторону Дворца культуры.

— Так ты, Андреич, уверен...— еще раз переспросил Карцев,— считаешь — выполним полугодовой к празднику?

На их бригадном календаре был к тому времени уже март 1977 года.

Выполнили! На четыре дня раньше намеченного ими же самими срока. Трудно досталась им эта победа. Карцев очень уставал. Больше всех. В работе он злой. Сам не отдохнет ни минуты, все время снует, как челнок, то одному, то другому поможет и никому бездельничать не позволит. А тут еще напарник подал в отставку, ушел на пенсию. А на коленчатых валах кузнецы работают так: один прогонит штук семьдесят валов — отдых. К молоту становится другой. Отковать этот очень сложной формы, ответственнейший узел автомобиля весом в три пуда доверяется не каждому. Тут требуется высокий класс мастерства.

Карцеву предлагали опытных, солидных кузнецов. А Молев, секретарь парторганизации цеха, посоветовал: «Бери молодого, Пичужкина». Карцев подумал, подумал и взял парня с такой ласковой фамилией. Ну и что же, что ему всего двадцать два? Карцеву тоже было двадцать два, когда он пришел в этот цех. Бусыгин в двадцать восемь лет мировой рекорд ставил. Надо смотреть в будущее, перспективу иметь! К тому же был у бригадира и свой верный расчет. Он приметил Володю Пичужкина еще четыре года назад, когда тот появился здесь сразу после окончания десятилетки. Высокий, прямой, он чем-то напоминал Алешу Пешкова. Володю определили тогда в бригаду Огнева. Это еще до армии. После армии поставили подручным кузнеца на мелких деталях. А вскоре и подменным кузнецом. Была у него хватка, рабочая выдержка,

Е. Грошев. Род. 1927. АГИТПОВОЗКА. 1975.

Н. Чесноков. Род. 1915. УРАЛ ПРИПОЛЯРНЫЙ. 1974.

что приходит к иному через десятилетия. Про Володю не без зависти говорили: «Порода. Отец кузнецом был, два брата тут, в цехе...»

И тогда, сразу же после праздника Победы, Карцев вместе со своим молодым стажером решил закрепить взятый темп и выполнить к XXV съезду КПСС (считая с января 1975 года) полторы годовых нормы. В принятых бригадой повышенных обязательствах были и такие два пункта: «Подготовить кузнеца вместо ушедшего на пенсию тов. Синягина... Освоить каждому члену бригады смежные профессии».

От имени бригады Карцев выступал на заседании парткома автогиганта. Генеральный директор объединения И. И. Киселев, восхищаясь инициативой кузнецов и тревожась за них, осторожно спросил: «Выдержит ли бригада такую нагрузку, Дмитрий Гаврилович? Ведь вам придется ковать восемьсот валов за смену. Тяжело. Норма — шестьсот семьдесят». «Сможем, Иван Иванович,— отвечал Карцев,— мы все рассчитали. Пять лет назад это был бы рекорд! Теперь для нас норма. Мы давали и по восемьсот сорок валов, к девятистам подбираемся. Нам бы только хороший нагрев и стойкие штампы! А сил у нас хватит!»

И все же было очень тяжело. Особенно летом, когда не знаешь, где жарче — у молота или за окном, на зеленой скамейке, куда они ходили во время перекура. Даже ветерок не спасал, не то что вентиляторы.

Бригадир отдыхал, прислонившись к оконной раме. Но глаз с Пичужкина не спускал. У того что-то не заладилось. Прилипла к штампу поковка. Карцев натянул рукавицы, подошел к Володе. Положил свою ладонь на его руку, державшую клещи, чуть-чуть повернул поковку, и она отделилась. Володя нажал на педаль — удар! Еще раз удар семью тысячами килограммов.

— Ну, как напарник?— Это секретарь парторганизации цеха Молев пришел. Он каждый день, как правило, заглядывал во все бригады.

— Старается, мы еще на рекорд с ним пойдем! Ты вот что мне скажи, Анатолий Михайлович, когда тару нам дадут? Видишь, повернуться негде, горы горячего металла. И так дышать нечем.

— Говорил, Гаврилыч, но без тебя тут не обойтись.

— А ну пошли к Новикову, обед как раз начинается! — распалился Карцев.

— Будем решать,—заверил секретарь парткома кузовно-рессорного производства М. И. Новиков.

— Немедленно надо! — рассердился еще больше Карцев и прямым ходом в кабинет к управляющему: — Николай Андреевич, когда кончится безобразие с тарой?

— Да ты не волнуйся, Дмитрий Гаврилович, садись. Приму самые экстренные меры,— отвечал управляющий, набирая номер телефона заместителя директора по снабжению.

Карцев успокоился лишь после того, как удостоверился, что тара будет завтра утром.

В сентябре бригада Карцева пошла на рекорд. Все, у кого выдавалась свободная минутка, торопились на 96-ю линию: посмотреть, как идут дела у лидеров предсъездовского соревнования. Ими действительно можно было залюбоваться: так слаженно, с четкостью, доведенной до автоматизма, работала бригада. Десять человек понимали друг друга даже не по движению рук — по взглядам. Настроение у всех было приподнятое. Еще до обеда было отштамповано 620 валов. Значит, можно было надеяться на тысячу! Однако в самом конце дня — вечная история! — подвел пуансон. Пришлось менять. Потеряно тридцать минут — за это время можно было сделать семьдесят валов!

Свежий номер газеты «Автозаводец» открывался «шапкой» во всю полосу: «В честь Дня машиностроителя бригада кузнецов Д. Г. Карцева и В. С. Пичужкина добилась рекордной выработки. При сменном задании 670 штук отковала 925 коленчатых валов, или 138% к плану». Так рядом с фамилией известного на автозаводе человека впервые появилась новая, никому до тех пор не известная фамилия Володи Пичужкина. И это тоже было знаменательно: получил боевое крещение молодой рабочий, теперь и его причислили к кузнецам бусыгинской гвардии.

Прошло две недели — и кузнецы выдали новый рекорд. Не карцевская бригада, другая, молодых кузнецов Семенова и Черницкого, на точно такой же линии по обработке коленчатых валов. Они отштамповали 1050 валов. Через два дня — еще рекорд. Бригада Анатолия Кощеева отличилась на штамповке фланца для автомобиля «ГАЗ-53». В завершение постаралась бригада Литонова — еще рекорд. Каскад достижений высшей производительности труда! Они напоминали славные дела энтузиастов на заре стахановского движения, к сорокалетию которого и были приурочены эти рекорды. Партгрупорг Карцев первым поздравлял товарищей с успехами. Но сейчас его все больше заботило другое. Рекорды рекордами — это прекрасно, проба сил и своих возможностей. Но для того, чтобы выполнить высокие предсъездовские обязательства, необходимо стабильное, каждодневное наращивание темпа.

В цехе все ждали: кто же первым придет к финишу? Первым, еще в начале января, пришел Литонов. Бригада Литонова — Липина рапортовала о выполнении своих обязательств в честь XXV съезда. Опередила она лидеров. Соревнование есть соревнование! Главная суть его в том, что выигрывает общее дело. Но он, Карцев, был запевалой, взбудоражил тогда всех, поднял на ноги, повел за собой. «Первопроходец, глубоко пашет» — так говорят о нем на заводе, в городе...

Коммунисты Горьковской области избрали Дмитрия Гавриловича Карцева своим делегатом на XXV съезд КПСС. Мы сидим с Дмитрием Гавриловичем в комнатке цехового механика. Худощавый, с острыми чертами лица, он меньше всего похож на человека могучего телосложения, каким обычно представляется кузнец. «Я выносливый,— вспомнились его слова при первом знакомстве,— жилистый».

На столе перед Карцевым, будто карта перед начальником штаба, лежит тщательно вычерченная на плотной ватманской бумаге таблица:

1976 год — 820	валов	в	смену
1977 год — 840	—»—		—»—
1978 год — 850	—»—		—»—
1979 год — 860	—»—		—»—

Пятый, 1980 год тут не значится, потому что пятилетнее задание при таком росте производства будет выполнено за четыре года. Такова новая программа бригады Карцева. Основания? Все те же, как и тринадцать лет назад: техническое перевооружение. «Мы тут с инженерами кое-что наметили. Печь надо переделать, предстоит капитальный ремонт и самого молота». Но самое главное — работа с людьми. «Наш девиз такой: от качества работы каждого — к качеству труда всего коллектива!»

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКИ

В. АЛАВЕРДЯН

...Первая стройка в трудовой биографии. В каком коллективе ты делал первые шаги, где осваивал свою профессию, чему тебя там научили... Далеко не праздные вопросы, ведь от этого зависит твоя дальнейшая жизнь.

Андраник Тер-Тачатян начинал монтажником в тресте «Ерхимстрой». С тех пор прошло шестнадцать лет, за которые Андраником здесь сделано столько, что другому хватило бы на весь век. Сегодня по промышленным объектам, сооруженным знатным монтажником, можно смело изучать индустриальную карту Армении: Ереванский завод железобетонных конструкций № 5, приборостроительный, резинотехнических изделий, метизный, кабельный, корпуса объединений «Армэлектромаш», швейные фабрики — № 4 и «Красный швейник»... В строительстве не все идет гладко, но Андраник приучил себя не пасовать перед трудностями. Часто приходилось начинать с «нуля». А строительный «нуль» для монтажников означает очень многое — заранее построенные дороги, подготовка монтажной техники, проведение коммуникаций, вовремя полученные проектные и технологические решения. Однако Андранику не всегда «везло» на такие условия. И сколько раз строительные площадки ставили перед ним задачи, столько смелых решений было у него. Точность и еще раз точность — это простое слово воспринимается монтажниками как самая трудная геометрия. Здесь умение «поймать на радиусе» всевозможное перекрещивание балок, сводов, металлических ферм. Ведь монтажник не имеет права на ошибки. Если для строителя миллиметровое отклонение — мелочь, то для монтажника — недопустимый просчет.

И тут Андраник Тер-Тачатян все больше и больше задумывается: а ведь можно строить еще быстрее, лучше, качественнее и с большей эффективностью. Но как дойти до этих секретов? Одного желания в этом деле мало, нужны еще и знания. И вот без отрыва от производства он пошел учиться в Ереванский строительный техникум. Днем занимался монтажом промышленных объектов, а вечером читал их чертежи. И если строительная площадка была для Андраника первой монтажной школой, то строительный техникум стал для него первым университетом.

Восприятие дела всего коллектива как своего личного, пожалуй, главная черта характера Тер-Тачатяна. Потому и послали его люди своим депутатом в Верховный Совет Армянской ССР. Среди строителей за ним уже прочно закрепилась слава лучшего бригадира монтажников, и товарищи видят в нем человека, с которого каждому хочется брать пример.

...Это было время, когда метод Н. Злобина нашел широкое применение в строительстве гражданском, но в промышленном он только делал свои первые шаги. Сейчас уже прошло время дискуссий — быть или не быть бригадному подряду в промышленном строительстве. Но тогда многим не верилось, что подрядную систему можно «привязать» к строительству завода, фабрики. Как известно, всякое новое начинание несет в себе долю риска. В мае 1974 года Андраник Тер-Тачатян возглавил хозрасчетную комплексную бригаду.

И вот первое задание: произвести монтаж на Ереванском автозаводе и расширить базу треста «Ерхимстрой».

— В монтажных работах главное — качество сварки узлов, и здесь мы должны руководствоваться требованиями новой технологии, предусматривающей сварку без длинных перерывов. Иначе шов может остыть, и металл не выдержит внутреннего напряжения в толстых элементах конструкций,— учил Андраник своих товарищей.

Многое пришлось осваивать ереванцам — последователям Н. Злобина. В результате задание 1974 года выполнено на 110,5 процента, завершающего года пятилетки — на 115 процентов. Применение передовых методов, четкая организация труда, умелое использование строительной техники вместе с высоким профессиональным мастерством — вот слагаемые успеха.

Как высчитать, сколь велик коэффициент нравственной силы, влияния человека для всего коллектива, когда рождается то, что мы обычно называем почином? А за Андраником Айказовичем починов немало. И когда на съезде Компартии Армении А. Тер-Тачатян был избран делегатом XXV съезда КПСС, в тресте «Ерхимстрой» это восприняли так: по труду и высокое доверие!

К отцу

Виктор ЛОГИНОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

В Москве Теплихин переехал с вокзала на вокзал и выправил билет на курский поезд. Ему досталась верхняя боковая полка, он сразу же лег, потому что поезд отходил поздно вечером; а на рассвете заботливая проводница дотронулась до его плеча:

— Ваша станция, гражданин...

Через пять минут Теплихин был уже на перроне. Он ехал в последнем вагоне, низенькое станционное здание виднелось сквозь туман далеко впереди. Вставало над мутными полями за станцией солнце, было холодно и бесприютно. Теплихин поежился, закурил сигарету и вслед за уходящим поездом побрел к вокзалу. Теперь уже нужно было расспросить у людей, где находится та самая деревня Бузулук, в бою за которую погиб в июле 1943 года его отец Яков Гаврилович. Близко ли деревня, далеко ли?..

В вокзале никого не было, лишь пожилая женщина подметала пол.

— Бузулук? — не задумываясь, переспросила она.— Да рядом, соколик. Я сама тамошняя. За угол завернешь, по улице пройдешь и направо в поле — тут тебе и Бузулук. Километра нет.— Она внимательно поглядела на Теплихина и тише прибавила: — Лежит кто-нибудь?..

Теплихин кивнул, поблагодарил уборщицу и вышел на улицу.

Он не предполагал, что в конце июня, считай, в разгар лета, здесь так холодно. Зеленый импортный пиджак, надеть который велела жена, от постоянной носки вытерся и почти не грел. Теплихин вынул из портфеля измятый плащ и кепку, прихваченную на всякий случай. В плаще и кепке стало потеплее. Потом быстро зашагал по булыжной дороге, и скоро улица пристанционного поселка кончилась, и открылась степь, похожая на кубанскую,— без леса, с редкими кустиками вдоль шоссе. Справа виднелись строения. Очевидно, это и была деревня Бузулук...

Волнение охватило Теплихина. Он выбросил сигарету и ускорил шаг, внимательно смотря по сторонам. Теперь его обдало жаром, хотя ветер в поле был резче и холоднее. В груди у Теплихина что-то сжалось, дыхание сбилось, и закололо в сердце. Он остановился, не понимая, что с ним происходит, и только тогда увидел левее деревни высокий белый столб и две белые стелы по обе стороны столба. Это был, несомненно, памятник погибшим, и не в деревню, а туда, к памятнику, нужно было идти Теплихину.

Он машинально расстегнул рубашку, потер ладонью горячую грудь и, свернув с дороги, прямо по полю — по красноватому клеверу — пошел к братской могиле.

Теплихин уже не спешил. Он чувствовал, что встреча с отцом, такая запоздалая, близка, не то страшился, не то стыдился чего-то и был втайне доволен, что приехал рано утром, когда все люди еще спят. Люди сейчас помешали бы ему, он хотел прийти на могилу один, чтобы постоять спокойно, не чувствуя на себе чужих взглядов и не отвечая на вопросы. В поезде он не думал об этом, не мог знать, как все произойдет, и не предчувствовал, как трудны будут последние минуты перед встречей...

Клевер остался позади, теперь Теплихина отделяла от братской могилы лишь лужайка с тремя невысокими березками на ней. Теплихин последний раз остановился, оглянулся, словно хотел убедиться, что не только возле памятника, но и на окраине станции, откуда он пришел, не видно ни одного человека. Так оно и было: в шестом часу утра он один стоял под голубеньким небом посреди поля, на котором три десятилетия назад гремел бой. Именно здесь, может быть, был убит отец Теплихина. 17 июля 1943 года погиб смертью храбрых в бою за освобождение деревни Бузулук. Пуля ударила в бок и прошла навылет. Может быть, как раз здесь. Сейчас над полем летели, деловито перекликаясь, мирные грачи.

Медленно стаскивая кепку, Теплихин приблизился к братской могиле. Перед обелиском, слева и справа от центральной дорожки, лежали на земле мраморные плиты. Этих плит было много, десятка три, если не больше, и на каждой из них в два столбца были высечены фамилии:

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ЛОБАЧЕВ Г. В.
СЕРЖАНТ ШЕЛГУНОВ М. З.
РЯДОВОЙ ОСТАПЕНКО И. М.
РЯДОВОЙ КОЗИНКЕВИЧ П. Ф.

Теплихин оторвал взгляд от первой плиты, повернул голову вправо. В глазах у него жарко зарябило. На каждой плите было обозначено по двенадцать человек. Много же ребят полегло в бою за деревню Бузулук! За одну деревню...

Нужно было одолеть весь этот список, и Теплихин стал читать по порядку, шевеля губами. Он произносил звание, фамилию, буквы, обозначающие имя и отчество. Плита от плиты была расположена на расстоянии шага. Так он сделал восемнадцать шагов и возле самого обелиска перешел с левого на правый ряд. Фамилии были разные: русские, украинские, белорусские, татарские, узбекские. Были очень странные. Были хорошо знакомые, привычные фамилии. Не было только фамилии отца. Теплихин продолжал шевелить губами, поминая всех — рядовых, сержантов, офицеров, но с каждым шагом в груди у него делалось холоднее, образовывалась пустота, и страх неизвестности заполнял эту пустоту. Теплихин смахнул со лба обильный пот. Оставалось всего три плиты. Три плиты, тридцать шесть фамилий. Нет, уже не три, а две, и не тридцать шесть, а двадцать четыре человека лежали в земле, последние, не помянутые вслух. Отца, который погиб здесь,— это Теплихин знал точно, наверняка,— в длинном списке пока не было. Но как же так?.. Почему?..

Охваченный смятением, Теплихин шагнул к предпоследней плите, и вдруг мелькнула, запрыгала перед глазами и легла плашмя на мрамор родная фамилия:

СЕРЖАНТ ТЕПЛИХИН Я. Г.

Теплихин несколько секунд смотрел на серые буквы, в которых кое-где еще сохранилась позолота. У него задрожали ноги, выпали портфель и кепка.

— Батя,— чуть слышно выдавил он,— ты здесь?

В хриплом, невнятном голосе прозвучали радость, горе и боль. Все-таки Теплихин разыскал отца. Он его разыскал! Бумага тридцатилетней давности не соврала: отец лежал вблизи деревни Бузулук. Но он лежал в этой могиле уже тридцать лет, а сын только на тридцать первом году удосужился навестить отца...

— Вот так, батя,— снова прошептал Теплихин.— Такая она, жизнь...

Он лукавил сейчас от стыда: знал, что на жизнь сваливать нельзя. Жизнь в эти годы была разная: и очень тяжелая, темная, и полегче, и совсем легкая, сытная. После войны Теплихин отслужил в армии. В это время в одночасье умерла мать. Вернувшись на Владимирщину, в родное село, Теплихин никого из родственников не застал: тетка тоже умерла, отчим продал дом и завеялся на Дальний Восток. Теплихин служил на Кубани. Там у него осталась девушка. Два дня он, неприкаянный, бродил по селу, напился с горя, у кого-то выбил стекла в окне и, страшась расплаты, тайком возвратился на Кубань, в станицу. Родители девушки не обрадовались его возвращению: не о таком зяте мечтали. Но тут оказалось, что дочка была беременной, и поэтому родители смирились. Как и следовало ожидать, Теплихин с ними не ужился. Он перевез жену в районную станицу. Стали потихоньку строить дом. Пять лет строили, потом постепенно заводили обстановку. Ни разу никуда не съездили, даже не отдыхали. Так что до шестидесятого года и речи не могло быть о поездке в Курскую область, хотя Теплихин порой и заговаривал об этом. Когда же хозяйство наладилось и появились лишние деньжишки — Теплихины развели виноград, делали вино на продажу,— времени для отдыха и посторонних поездок стало, кажется, еще меньше. Каждый день отпуска был заранее распланирован. Жена недовольно поджимала губы, когда Теплихин вспоминал об отце. Она считала поездку на могилу за тридевять земель пустой затеей, блажью. Что изменишь? Человека не воскресишь. Лежит, ну и пусть себе лежит. Зачем ехать? Жена по-всякому отговаривала Теплихина. Она не понимала чувств мужа, потому что война ее род совсем не затронула: отец на войне не был, старший брат остался жив, даже дальние родственники, и те не пострадали. Да, у жениных родичей далеких могил не было. Потому-то жена и препятствовала Теплихину. Так и прошло незаметно целых тридцать лет.

— Вот какие дела, батя...

Теплихин понимал, что он оправдывается над могилой, ищет уважительные причины. Они, конечно, были, жизнь засасывала, ломала планы, диктовала свое, и человеку трудно было справиться с ее быстрым, как на горной реке, течением. Вырваться, повернуть в сторону?.. Не каждый это мог. Теплихин знал: ему легко оправдаться, но это успокоения не приносило. Другие-то ездили! А что, у них жизнь была легче? Они ездили все-таки, и не раз, а он, Теплихин, собрался лишь тогда, когда душе стало невмоготу. Тоска и раскаяние выжимали у него кровь из сердца.

Он стоял над плитой долго, не замечая никого вокруг, пока солнце не поднялось и не стало припекать голову. Тогда Теплихин пришел в себя и, спохватившись, посмотрел на часы. Шел уже восьмой час, значит, он простоял в одиночестве гораздо больше часа. Ноги у него устали, затекли, но он не решался ни отойти от плиты, ни присесть рядом. Баба

упала бы на землю и выплакалась. А у Теплихина слез не было, лишь глаза были чуть-чуть влажные.

Он еще в самом начале заметил на некоторых плитах увядшие цветы. Лежали целые охапки и маленькие букеты. Кто-то часто приходил сюда: цветы были добрым, сердечным знаком. И Теплихину тоже захотелось оставить на своей плите цветы. Больше он не знал, чем отметить свой приезд...

Он вблизи нарвал клевера, ромашек, васильков и других цветов, получилась большая охапка, она закрыла всю плиту. Теплихину это не понравилось. Он уложил цветы вокруг плиты венком.

Время подходило к девяти утра. Теплихин снял плащ, разостлал его под березой, сел и вынул из портфеля бутылку молока, купленную в Москве. Он машинально опорожнил ее, хотел выбросить, но сообразил, что здесь бросать нельзя, и сунул пустую бутылку в портфель. Он с радостью заплакал бы сейчас, но из глаз, казалось, невозможно было выдавить ни слезинки, и это Теплихина расстраивало и обижало.

Тонкий звук, похожий на журавлиный крик, отвлек его, он увидел, что от станции по дороге движется детская колонна. Впереди шел мальчик и трубил в горн. Теплихин понял, что это пионерский отряд. Он увидел и пионервожатую, она шла сбоку и была чуть повыше своих пионеров. Отряд направлялся к братской могиле. Теплихин встал, собрал свои вещи и отошел к самой дальней березе, на край лужайки. Здесь он мог посидеть, не привлекая внимания.

Пионерский отряд приближался. Горнист трубил непрерывно. Пионеры шли в ногу, у каждого из них в руке был букетик цветов. Теплихин уже мог разглядеть лица ребят. Они были строгие и сосредоточенные, как у взрослых, которые участвовали в большом и серьезном деле.

Пионервожатая остановила отряд у братской могилы, повернула ребят лицом к обелиску. Горнист последний раз пронзительно протрубил, вскинулись руки в пионерском приветствии. Прошла минута в полной тишине. Потом ребята по команде пионервожатой сорвались с места и кинулись возлагать цветы — каждый на свою плиту. А двое из них — мальчик и девочка — встали возле обелиска и замерли, как часовые на посту. Они глядели прямо перед собой, и, кажется, ничто не могло смутить их торжественного спокойствия.

Чуть приподнявшись, Теплихин с затаенным дыханием наблюдал за ними. Он не заметил, как к нему приблизилась девочка и, выждав немного, сказала:

— Здравствуйте, дядя!

— Здравствуй,— ответил Теплихин, вопросительно поглядев на девочку.

У нее на беленьком личике отчетливо красовались рыжие веснушки.

— Вы к кому-нибудь приехали? — спросила девочка.— К сыну?

Теплихин, ласково улыбаясь, покачал головой.

— Нет. К бате. К отцу.

— К отцу? — тихо переспросила девочка, видимо, соображая, верить ей или нет.

Ну что ж, в свои сорок восемь лет он выглядел гораздо старше. Щеки, лоб посечены морщинами, волос на голове почти не осталось. Старик, можно сказать. Не разглядев, можно дать и шестьдесят...

— А как ваша фамилия? — спросила девочка.

— Теплихин, дочка.— Он показал рукой в сторону обелиска.— Теплихин. Там есть.

Он еще не успел договорить, как рыженькая девочка вскинула руки и изо всех сил радостно закричала:

— Тепли-ихин! Виктория Михайловна, здесь Теплихин! Сержант Теплихин нашелся!

Она кричала и подпрыгивала от возбуждения. Теплихин не успел остановить ее. На крик девочки со всех сторон бежали пионеры. Теплихин вскочил, подхватил плащ, портфель, кепку. Но пионеры уже окружили его. Быстро подошла и озадаченная большеглазая пионервожатая Виктория Михайловна.

— В чем дело? Что такое, Раечка?

— Он Теплихин! — не скрывая восторга и показывая на Теплихина пальцем, ответила Раечка.— Этот дядя... Говорит, что он сын.

— Это правда, товарищ? — Виктория Михайловна вскинула на Теплихина свои большие синие глаза.

— Да, точно.— Теплихин суетливо полез во внутренний карман пиджака.— Вот у меня... это самое... и документы...

— Не надо, не надо! Что же вы так долго не отзывались, Петр Яковлевич! Вас ведь Петром Яковлевичем зовут?

— Точно,— кивнул Теплихин.

— Мы вас по всему Союзу разыскивали. Вы же у нас последний из необъявившихся родственников! Из вашей деревни пришло письмо, что у сержанта Теплихина был единственный сын, приезжал домой после войны. Вы, наверное, по нашему розыску приехали?

— Нет, девушка.— Теплихин трудно покачал головой.— Я сам... Позвало.

— Да что же я! — спохватилась Виктория Михайловна.— Здравствуйте, Петр Яковлевич! — Она протянула Теплихину руку.— Мы вас очень, очень ждали!

— Меня?..

Теплихин боязливо дотронулся до мягкой девичьей ладошки.

— Ребята! — воскликнула Виктория Михайловна.— Поприветствуем Петра Яковлевича Теплихина — сына героя Великой Отечественной войны!

И тотчас же школьники выстроились в шеренгу и вслед за пионервожатой дружно вскинули руки в пионерском салюте.

Теплихин невольно сгорбился и еще острее почувствовал свою вину. Не понимая, за что его приветствуют, он смущенно переводил взгляд с одного детского лица на другое.

— А теперь,— произнесла раскрасневшаяся Виктория Михайловна,— пожалуйста, скажите пионерам несколько слов.

Теплихин попятился.

— А что говорить-то?..

— Для начала немножко о себе,— шепнула Виктория Михайловна.

Теплихин откашлялся, изумленно посмотрел на пионеров, которые, отхлынув шага на три, глядели на него с прежней радостной готовностью и ожиданием чуть ли не чуда.

— Не привык я это... говорить-то,— пробормотал Теплихин.— Ну так что.:. про себя, значит. Я строитель — такая у меня профессия. Работаю в ПМК, ребятки, то есть, проще говоря, в передвижной механизированной колонне. Живу на Кубани, в станице. Станица у нас большая, богатая. Да. А я вот, значит, первый раз приехал сюда... такие дела, ребятки.

Переминаясь с ноги на ногу, Теплихин умоляюще взглянул на Викторию Михайловну. Она подбадривающе закивала, шепча:

— Продолжайте, продолжайте. Напутственное что-нибудь. Для ребят.

— Напутственное? — громко переспросил Теплихин.— Вот грех-то какой! Чего же найти?.. Не предполагал я...

На лице у девушки-пионервожатой отобразился испуг.

Это перепугало и Теплихина.

— Сейчас, сейчас,— поспешно сказал он.— Найдем что-нибудь... такое дело, значит.— Теплихин набрал в легкие побольше воздуха и выдохнул.— Так вот что я хочу вам сказать, ребятки... Когда я услыхал это... вашу трубу, у меня сердце дрогнуло. Думаю: идут пионеры к могиле. Юное поколение не забывает, значит!

Он покосился на пионервожатую, она поощрила его кивком головы.

— Хорошо, ребятки. Очень, значит, хорошо. Большое вам спасибо!

Теплихин снова увидел ясные глаза ребят и вдруг понял, что эти мальчики и девочки примут все, что он скажет, и поймут как надо. Ему сделалось легко, и с этой минуты он перестал поглядывать на Викторию Михайловну.

— О себе я говорить, конечно, больше не буду. Хотя нет, вот что надо сказать. Вот поглядите на меня. Ну поглядите.— Теплихин ткнул рукой в грудь.— Старый я? Старый, старый, дед, можно сказать. Дед! У меня внуку третий год пошел. По всем законам, значит, дед. А я не воевал! Не был, значит, на войне. Может, кто из вас подумает: избежал как-нибудь, отсиделся? Нет, ребятки, такого греха на моей совести не имеется. Не успел я на войну, мой год после войны призывался. Понимаете эту мысль? Не воевавшие никогда уже в деды записались, а войны все нет и не предвидится! Простое ли это дело? И кого надо благодарить? — Теплихин протянул руку к обелиску.— Их! Они за всех нас отвоевались. Сколько человек за одну деревню пало! Я целый час фамилии читал. За одну деревеньку! А у каждого — семья. Понимаете эту мысль?

То, что Теплихин говорил пионерам, глубоко задевало сейчас и его самого. Он и сам впитывал эти слова, как будто усваивал их впервые.

— И вы воевать не будете! — увлеченно воскликнул он.— Они и за вас отвоевались! За всех дело сделали. Вот, значит, ребятки, какое дело. И батя мой, он тоже...— Теплихин прижал руку к груди.— Вот тут у меня это. Тут все. Разве ж я думал? Я, когда домой вернусь, всем стану рассказывать. Чтобы все знали и понимали, как нам надо помнить их и беречь о них ее, память. Вот. А вам еще раз спасибо, ребятки. Большое спасибо!

Теплихин смахнул со лба пот, отступил на шаг и снова посмотрел на Викторию Михайловну.

— Спасибо вам,— сказала она,— от меня и от ребят.

Теплихин протестующе махнул рукой. Он понимал, что благодарить его не за что. Не стоило благодарить.

— Как хоть я сказал-то? — смущенно поинтересовался он, когда Виктория Михайловна скомандовала, чтобы ее питомцы разошлись.— Все правильно?

— Правильно,— заверила его пионервожатая.— Хорошо и даже эмоционально.

— Эмоционально? — повторил польщенный Теплихин.— А я это... в первый раз. Еще хотел вот сказать... Такое дело, значит: глаза сухие, слез, как на грех, нету. Хочу заплакать — и не могу,— пожаловался он.— Нету слез — и все тут. Вот про это я еще хотел сказать.

— Нет, нет, зачем же? — решительно возразила Виктория Михайловна.— Об этом не нужно было. У вас хорошо получилось, эмоционально. Зачем же говорить о слезах?

— Так я и не сказал,— пробормотал Теплихин.

— Кстати,— опять спохватилась Виктория Михайловна,— вы знаете, что в деревне Бузулук живет женщина, на глазах которой погиб ваш отец?

Теплихин побледнел, и сердце у него забилось так же, как оно билось утром, когда он увидел имя отца на мраморной плите. Он словно очнулся от глубокого сна и вспомнил, зачем сюда приехал.

— В деревне? Живет?..— переспросил он.

— Да, разумеется, вы об этом не знаете,— сказала Виктория Михайловна.— Вам надо к ней сходить. Сейчас Раечка вас проводит. А потом мы обязательно покажем вам наш школьный музей, запишем ваш адрес. Мы переписываемся со всеми родственниками погибших воинов. И вам тоже мы будем писать о наших мероприятиях. Но об этом мы договоримся после, Петр Яковлевич, а теперь... Раечка! — позвала Виктория Михайловна свою пионерку.— Раечка, ты сейчас проводишь Петра Яковлевича к Семеновне. Проводи и возвращайся.

Девочка кивнула.

— Пойдемте, дядя,— сказала она.

Девочка всю дорогу расспрашивала Теплихина о разных разностях, он курил и отвечал коротко, невпопад: думал о женщине, которая видела, как был убит его отец.

Деревня Бузулук лежала в низинке. Теплихин и Раечка шли по левой стороне улицы, мимо разнокалиберных домиков. Были среди них и совсем новые, светлые, с расписными крылечками, были и старые, поставленные, очевидно, сразу после войны. Впрочем, Теплихин почти не глядел по сторонам: в груди у него все замерло и затаилось в ожидании встречи.

Раечка остановилась возле низенькой хатки и крикнула:

— Бабушка Семеновна! А бабушка Семеновна!

Погасив сигарету, Теплихин ждал: кто выйдет? И какая?..

Вышла та самая пожилая женщина, которую он видел утром в вокзале,— уборщица, показывавшая ему дорогу к братской могиле. У Теплихина запершило в горле, он хотел откашляться, но не смог.

— Бабушка Семеновна, этот дядечка — Теплихин! — сказала Раечка.

Не отрывая от Теплихина прямого взгляда, Семеновна кивнула и, словно давно обо всем догадавшись, без удивления спросила:

— Сынок?

— Да,— выдавил Теплихин,— сын. Яков Гаврилыча сын, Петр.

— Знаю, что Петр,— отозвалась Семеновна.— Приехал. Давненько ждет твой папаша. Ну, хоть и долго ждал, да дождался. Пойдем.

И она, заметно согнувшаяся, с тонкими руками, повисшими вдоль тела, пошла в хату. Теплихин слепо двинулся вслед за нею.

Она вошла в тесную комнатку, села на скамейку, показала Теплихину рукой на стул.

— Откуда приехал?

— С Кубани, мамаша...

Перед глазами Теплихина то всплывали из какого-то тумана, то прятались большая белая печь, стол, узкая кровать с одной подушкой.

— С Кубани,— повторила Семеновна, изучая Теплихина и его дорожные пожитки.— Вот видишь... кто же знал! А я, соколик, тут сколько уж лет вроде бы родственницей единственной при нем состою.

— Как его... убило? — выдавил Теплихин.

— Как убило? Да как убивают... просто. На моих глазах за войну их сколько полегло! Вот, погляди.— Семеновна наклонилась к оконцу.— Видишь огород, улицу?

Теплихин протер ладонью глаза, кивнул.

— Я, когда бой начался, в подвале сидела. Вон там, на огороде, хата у нас стояла. От нее тогда одна печка осталась. Печка да подвал.— Семеновна помолчала, словно стараясь вспомнить, как все было.— Сижу в подвале, дрожу от страха. Сначала из пушек били, потом вроде бы затихло. Я выглянула — молодая была, любопытная,— вижу: бежит он, твой отец. В руке винтовка, кричит так хрипло: «Вперед! За Родину!» Я перекрестилась: значит, свои, родненькие. А тут... во-он там на горке... Нет, отсюда не видно. На горке слева у него пулеметы были, он и ударил из пулеметов. Отец твой как бежал, так с разбегу и рухнул. Упал на бок и покатился. Я спряталась с испугу, потом слышу — стонет. Выглянула снова — он шевелится. Ну, я выскочила, перетащила его к печке... Вот и все, соколик. Через час он преставился, царство ему небесное! — Семеновна привычно перекрестилась.

— И все? — проронил Теплихин.

— И все,— подтвердила Семеновна.— Все, соколик. Жаловался перед смертью, что не пожил подольше. Молодой он был, твой отец.

— Молодой был,— машинально повторил Теплихин.

— Совсем молодой.

В это мгновение Теплихин почувствовал, как по щекам у него покатились слезы. Он отвернулся, провел ладонью по лицу.

— Плачь, соколик, не стесняйся,— вдруг подобрев, сказала Семеновна.— Папаша твой не плакал. Слез у него не было, высохли в бою. Ни слезинки не выжал. А ты плачь, тебе можно.

Теплихин вскочил и, сдерживая рыдания, натыкаясь на печку, на дверной косяк, выбежал во двор.

Через минуту Семеновна услыхала звуки, похожие на удары топориком. Она высунулась в дверь. Увидела: Теплихин стоял на коленях, согнувшись, как от резкой боли в животе. Косарем, которым она щепала лучину, он кромсал березовую чурку и, всхлипывая, как будто икая, повторял:

— Прости, батя! Батя, прости!..

Старая женщина в щель перекрестила Теплихина и тихо прикрыла дверь.

ГИГ

Ф. А. ТАБЕЕВ,
первый секретарь
Татарского обкома КПСС

Рисунки И. ПЧЕЛКО

В обстановке огромного политического и трудового подъема встречает наша страна XXV съезд КПСС. В девятой пятилетке трудящиеся Татарии добились немалых успехов. Еще в начале декабря промышленность республики завершила государственный пятилетний план по реализации продукции.

Выдающуюся победу одержали славные нефтяники. За пятилетие добыто более 513,7 миллиона тонн нефти. Это, пожалуй, один из наших самых высоких рубежей; очень не просто крупному нефтяному району, достигшему своего потолка — максимальной добычи нефти в год,— суметь удержаться на этой высоте в течение всего пятилетия. Наказ, данный на XXIV съезде КПСС, с честью выполнен. В приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим производственного объединения «Татнефть» сказано, что успех этот обеспечили «высокая творческая инициатива нефтяников республики, активная организаторская деятельность партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций по развертыванию социалистического соревнования, внедрению современной техники и передовой технологии...». Сейчас формируются новые предложения о развитии нефтедобычи в республике.

Вслед за нефтяниками большого успеха достигли нефтехимики Нижнекамского комбината. Их сердечно поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Нижнекамский комбинат превратился ныне в одно из крупнейших предприятий отрасли с полным циклом переработки нефтяного сырья.

И вот совсем недавно, в эти насыщенные рапортами о трудовых свершениях предсъездовские дни, мы становимся свидетелями знаменательного события, которое

АНТ НА КАМЕ

даже трудно сейчас с ходу оценить — так велико его значение: в Набережных Челнах с главного конвейера автомобильного завода скоро начнут сходить большегрузные машины — КАМАЗы. Мы долго, шесть лет готовимся к этому дню, мечтаем о нем. Начало производства автомобилей на КамАЗе означает, что на берегу Камы за истекшее пятилетие в невиданно короткий срок заложен такой промышленный комплекс, который еще долго будет удивлять мир своими масштабами. Создание его подтверждает жизненную силу планов нашей партии, единство партии и народа.

Камский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей, строительство которого ведется в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС, является убедительным свидетельством тех огромных возможностей, какими располагает наша страна в развитии производительных сил, свидетельством политической и технической зрелости партийных и хозяйственных организаций. «Одна из наиболее характерных особенностей нынешней пятилетки состоит в том,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— что мы строим много крупных предприятий, по существу промышленных комплексов, которые являются передовыми по всем современным понятиям. Это — КамАЗ...» Вот несколько цифр, характеризующих масштабы автомобильного комплекса. Проектная мощность предприятия — 150 тысяч дизельных автомашин в год. В состав комплекса входят шесть основных заводов. Каждый из них, по существу, крупное самостоятельное производство со своими цехами и службами. Прибавьте к этому завод прицепов в Красноярске, заводы-смежники в Димитровграде и Ярославле, прибавьте 14 реконструируемых предприятий, которые будут поставлять рессоры, метизы, компрессоры, радиаторы, электрооборудование и многое другое.

Для более полной характеристики размаха и сложности стройки нужно добавить, что объем бетонных работ на КамАЗе составит около 5 миллионов кубических метров; будет вынуто и отсыпано до 200 миллионов кубометров грунта — почти столько же, сколько на строительстве Волго-Донского канала. А если еще добавить к этому миллионы кубических метров сборного железобетона, сотни тысяч тонн металлоконструкций, то станет ясно, что таких объемов работ в столь сжатые сроки еще нигде и никто не брался производить.

Короткое слово «КамАЗ», которое родилось совсем недавно, звучит сейчас так же, как звучали Магнитка, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре; как Красноярская ГЭС и ВАЗ, оно прочно вошло в лексикон не только советских людей, но и народов других стран. Пример КамАЗа показывает деловым кругам Запада, какие хорошие возможности имеют они для укрепления экономических контактов с нашей страной, как благотворно влияет на развитие отношений между странами миролюбивая политика Советского Союза, направленная на разрядку международной напряженности. Представители фирм неоднократно отмечали высокий уровень организации строительства, отличную квалификацию советских инженеров и рабочих, они убеждались в том, что участие в разработке технологии и поставке оборудования влечет за собой немалую экономическую выгоду.

Трудно переоценить значение Камского автомобильного комплекса для укрепления экономического потенциала нашей страны. Ввод его в строй действующих окажет заметное влияние на совершенствование структуры грузового транспорта, явится важным вкладом в дальнейшее повышение общественной производительности труда и, следовательно, будет способствовать решению главной задачи десятой пятилетки, которая состоит «в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа», как записано в проекте ЦК КПСС к XXV съезду партии.

Наконец, рождение КамАЗа дает новый импульс развитию всей автомобильной промышленности страны. Да и не только автомобильной. Страна нуждается в непрерывном увеличении объема и скоростей перевозок. А если учесть еще огромные просторы нашей Родины, то нетрудно понять, сколь велико значение транспортных артерий для настоящего и будущего советской экономики, как нужен стране грузовик-богатырь. По подсчетам планирующих органов, автомобильный транспорт будет занимать все больший удельный вес — в 1980 году на его долю придется грузоперевозок примерно в 4 раза больше, чем в 1965 году. В проекте ЦК КПСС к XXV съезду партии намечается обеспечить в 1980 году выпуск 2,1—2,2 миллиона автомобилей, в том числе 800—825 тысяч грузовых. Предполагается также расширить применение дизелей в автомобилестроении. В значительной степени эти задачи будут решаться благодаря созданию Камского комплекса заводов. Причем он станет выпускать самые современные машины.

Гарантией высоких качеств грузовика КАМАЗ является богатый опыт и творческая мысль конструкторов и технологов «академии» отечественного автомобилестроения — Московского завода имени Лихачева, Минского автозавода, Ярославского моторного завода и других организаций, принимавших участие в разработке автомобиля и его агрегатов. Словом, с появлением нового автомобиля как бы завершается полувековая история в развитии отечественного автомобилестроения, прошедшего путь от АМО до КАМАЗа. И вместе с тем КАМАЗ — это ее новый этап. Автомобиль предъявил повышенные требования ко многим отраслям промышленности, например, металлургии. Понадобились, в частности, высокоточные профили проката, не требующие механической обработки. А это значит, что КАМАЗ дал толчок для технического перевооружения металлургических заводов; сегодня он ориентир, на который должны равняться многие отрасли индустрии; на КамАЗ ведь будут работать 17 министерств.

Колоссальное значение имеет КамАЗ для Татарии, всего ее народного хозяйства, для ее будущего. Татарская АССР после окончания Великой Отечественной войны стала республикой нефтедобывающей и химической промышленности и крупного машиностроения. В семидесятые годы Татария приобретает новую профессию — автомобилестроителя, тесно связанную, между прочим, с химией и нефтью: шины для КАМАЗов будет поставлять Нижнекамск, расположенный по соседству с Набережными Челнами.

Тут я позволю себе сделать небольшое отступление, обратиться к истории вопроса. Нам очень хотелось, чтобы автомобильный комплекс был построен в Татарстане. Из чего мы исходили? Благоприятное сочетание железнодорожного и водного путей сообщения с базами сырья, необходимого производству, что обеспечивало бы минимальные расходы на его доставку, а также возможность организовать по этим путям широкую кооперацию с родственными заводами Ярославля, Горького, Ульяновска, Тольятти. Строительство в Нижнекамске шинного завода. Близость предприятий резиновых технических изделий. Наличие довольно крупной строительной организации — управления «Камгэсэнергострой» Министерства энергетики и электрификации СССР. Наконец, социальная основа нашего предложения — трудовые ресурсы, особенно в сельской местности, откуда в связи с интенсификацией сельскохозяйственного производства оказалось возможным направить часть населения на стройку.

Изыскатели с большим вниманием отнеслись к нашему предложению, неоднократно выезжали на предполагаемое место строи-

Умат Гирей Наурбиев — руководитель большого коллектива скреперистов, признанный наставник молодежи.

Евгения Вдовина, бригадир отделочниц. КамАЗ в ее жизни вторая большая стройка: Женя участвовала и в сооружении Волжского автомобильного завода.

тельства. Госплан СССР, изучив десятки вариантов, остановился на Набережных Челнах. Надо ли говорить, с каким чувством гордости и радости было воспринято это решение! В адрес Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР поступало очень много писем, в которых трудящиеся Татарии выражали горячую благодарность за оказанное им высокое доверие.

В памяти свежо собрание актива областной партийной организации в феврале 1970 года, проходившее в переполненном зале театра оперы и балета имени Мусы Джалиля в Казани. Развернулись оживленные прения. Актив областной партийной организации заверил ЦК КПСС в том, что коммунисты, все трудящиеся республики, исполненные чувства высокой ответственности перед партией и советским народом за выполнение почетного государственного задания, приложат все свои силы, умение и энергию для строительства гиганта отечественной индустрии — Камского автомобильного комплекса.

Строительство КамАЗа велось и ведется под постоянным вниманием и неослабным контролем со стороны Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. В Набережные Челны приезжал член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Неоднократно посещал стройку член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Прошло шесть лет. На правом берегу Камы построены десятки корпусов шести заводов комплекса, насыщенных самой передовой техникой. Стремительно вырос белокаменный автоград — он уже стал вторым после Казани городом в республике; вокруг города формируется мощная агрозона, развивается собственная стройиндустрия. На стенах зданий еще не потускнели строчки стихотворения местного рабочего поэта: «Гудеть КАМАЗу! Городу быть!» — а город уже есть, и готов к старту автомобиль, сделанный из узлов и деталей, изготовленных на КамАЗе, и собранный рабочими КамАЗа.

Какие же изменения произошли в связи с этим в жизни нашей республики, в структуре ее экономики за годы девятой пятилетки? Надо сказать, что динамичное развитие получили все отрасли хозяйства. Но особенно успешно машиностроение — оно развивается темпами, опережающими контрольные задания пятилетки. И в этом нет ничего удивительного: более двух лет работает первенец КамАЗа, самое крупное в Татарии инструментальное предприятие — РИЗ, завершено строительство и второго завода КамАЗа — кузнечного. Больше чем наполовину выросла выработка электроэнергии: построена вторая очередь Заинской ГРЭС имени 50-летия СССР, расположенной по соседству с Челнами, дают электроэнергию пять турбогенераторов ТЭЦ КамАЗа мощностью 440 тысяч киловатт. В республике построен новый аэропорт гражданского воздушного флота, проложены сотни километров дорог, пущены новые узлы связи и автоматические телефонные станции. И все это связано с КамАЗом, работает на КамАЗ.

Заметные сдвиги произошли в пригородном сельском хозяйстве Челнинского района. В шесть с лишним раз выросли за пятилетие заготовки овощей, намного больше, хотя еще далеко не достаточно производится здесь молока, картофеля и мяса. Что делается в этой области? Заложен громадный, на десятки гектаров, тепличный комбинат, первая очередь его вступила в строй. Успешно, за четыре года, выполнила задание девятой пятилетки по продаже государству яиц птицефабрика «Красный ключ» Нижнекамского района. Это уникальное по своим масштабам и пока единственное в стране по степени индустриализации птицехозяйство. Два года назад здесь был пущен птицекомплекс на 250 тысяч кур под одной крышей. Тут автоматизированы все производственные процессы. Такое огромное хозяйство обслуживают всего 4 работника. Птичницу заменил специалист высокой квалификации — оператор пульта. В его распоряжении промышленное телевидение, автоматизированные системы по регулированию микроклимата. Рентабельность комплекса очень высока: уже через год он окупил средства, пошедшие на его сооружение. Так под стать индустриальным гигантам рождаются на земле Татарии сельскохозяйственные гиганты. Дальнейшая интенсификация сельского хозяйства на Нижней Каме позволит резко увеличить производство продукции земледелия и животноводства, бесперебойно снабжать автомобилестроителей и нефтехимиков высококачественными продуктами питания.

В республике резко изменился за последнее время профессиональный состав населения: выросла в полтора раза по сравнению с 1970 годом, преимущественно за счет Набережных Челнов, армия строителей. КамАЗ строит самый крупный в стране строительный коллектив. В его рядах 100 тысяч механизаторов, бетонщиков, монтажников, отделочников. Значительно увеличилось за этот же период число работников, занятых в сфере обслуживания — торговле, общественном питании, транспорте, связи, жилищно-коммунальном хозяйстве.

Однако самое примечательное из того, что совершается на наших глазах,— это становление большого высококвалифицированного отряда рабочего класса Татарии — автомобилестроителей.

Сооружение Камского автомобильного комплекса способствует серьезным социальным переменам. Школьники, демобилизованные воины, недавние колхозники, жители окрестных городов и сел не только строят завод, но и учатся овладевать новой техникой, многие из них будут работать на станках и конвейерах, трудиться в заводских лабораториях. В Казанском авиационном институте — в вузе с прочно сложившимися научными школами, сильным профессорско - преподавательским составом, накопившим богатый опыт подготовки инженерных кадров,— открыт факультет автомобилестроения, который будет выпускать механиков, конструкторов и технологов. Уже сотни инженеров КамАЗа носят значки КАИ. Пройдут годы, и в республике так же, как династии хлеборобов, нефтяников, машино- и приборостроителей, появятся династии автомобилестроителей.

Высокая степень механизации и автоматизации производства освободит рабочего от трудоемких

операций, создаст широкие возможности для творческого труда. Все это, а также высокая культура производства — прекрасные бытовые помещения, великолепные столовые и залы, высокие эстетические достоинства оборудования, внедрение научной организации труда — будут способствовать достижению наивысшей производительности, стиранию граней между физическим и умственным трудом.

С вводом в наступившей десятой пятилетке Камского автомобильного комплекса Татария сделает крупный шаг вперед по пути научно-технического прогресса. Основные фонды промышленности увеличатся практически вдвое, а объем производства возрастет в 2,5—3 раза. Но дело не только в количественных показателях. Скажется глубокое воздействие КамАЗа на культуру других предприятий республики. Их достоянием станут прогрессивные технологические процессы, отвечающие самым строгим требованиям современной технической политики, ценнейший опыт внедрения и функционирования автоматизированных систем, новейшие открытия в области машиностроения. Цехи заводов комплекса станут лабораториями передового опыта. Таким образом, КамАЗ создаст все предпосылки для дальнейшего повышения эффективности общественного производства республики.

Естественно, что облик нового города на Каме должен соответствовать высокому уровню заводов комплекса, должен отвечать запросам людей, на нем работающих, способствовать более полному раскрытию духовных качеств современного поколения рабочего класса, нравственных принципов и высоких моральных устоев советского образа жизни, способствовать формированию новых традиций. Все эти процессы протекают в ходе решения множества социальных проблем. Не удивительно, что один из политических деятелей США, посетивший Набережные Челны, в разговоре со мной так высказался по этому поводу: «Мы можем сделать любой металл, построить какие хотите автоматы, но как за такой малый период времени собрать столько людей, всех одеть, накормить, обучить? Это невозможно в наших условиях!..»

«В красивом городе должны жить красивые люди!» Такой лозунг был взят на вооружение в воспитательной работе партийными и общественными организациями Набережных Челнов и республики. Автоград — город молодых. Молодежь интересуется спортом, художественной самодеятельностью, искусством, она учится, хочет совершенствоваться. В этом направлении уже многое делается. В городе есть училище, техникум, филиал Казанского инженерно-строительного института. Через несколько лет первых студентов примет филиал Казанского авиационного института, который затем будет преобразован в политехнический институт. Городу не хватает дворцов культуры, театров, клубов. Они будут построены. Самым малым гражданам нужны ясли и сады. Детских комбинатов построено немало, но их понадобится еще больше, и это тоже надо учитывать...

Круги социальных перемен, вызванных автозаводом и новым городом, распространяются на все Прикамье. Набережные Челны становятся своеобразным центром «ожерелья» городов, включающего в себя Елабугу, Нижнекамск, Заинск, Менделеевск. Жители этих городов и близлежащих сельских центров приобщатся к высокой культуре автограда. Они будут приезжать на концерты и спектакли, художественные выставки, будут участвовать в спортивных состязаниях.

В жизни каждого края случаются события, которые по своим масштабам, социальному и народнохозяйственному значению представляют собой важные вехи на пути его исторического развития. Такой вехой для Татарии стал КамАЗ. Создание индустриального комплекса на Нижней Каме, в районе нетронутой, можно сказать, экономической целины нашей автономной республики, еще раз подтверждает правильность ленинского курса национальной политики Коммунистической партии, неуклонно проводимой ее Центральным Комитетом.

Трудящиеся Татарстана всегда были интернационалистами, всегда поднимались до решения общегосударственных интересов. Приведу несколько примеров. На Урале, в Березниках, стоит памятник Мирсаиду Ардуанову. Он наш земляк. В 1927 году Мирсаид возглавил на строительстве химкомбината бригаду бетонщиков-татар. А через четыре года стал широко известным в стране человеком. Многим поколениям строителей хорошо известно имя Хабибуллы Галиуллина, бетонщика Магнитки. Главный инженер по бетонным работам и механизации фирмы «Мак-Ки» Девис, посетивший летом 1931 года Советский Союз, говорил о непонятном для него творческом подъеме, недоумевая по поводу того, что какие-то рабочие-татары устанавливают мировые рекорды, оставляя позади себя американцев. После завершения строительства почти все члены бригады Галиуллина стали сталеварами. Один из них, Мухамед Зиннуров, бывший колхозник деревни Курмаши, стал инициатором скоростного сталеварения. Сыны татарского народа участвовали в сооружении Днепрогэса и добывали уголь на шахтах Донбасса.

Через некоторое время и самой Татарии, в недрах которой геологи обнаружили нефть, потребовалась братская помощь. Из нефтяных республик и областей к нам спешили эшелоны с оборудованием и материалами. Из Грозного приехал Курбан-ага Валеев, ныне Герой Социалистического Труда. Потом, когда Татария освоила профессию нефтяника, она, в свою очередь, стала делиться опытом с более молодыми нефтяными районами страны.

И вот снова, когда началось сооружение автомобильного комплекса, широкой волной со всех концов нашей необъятной Родины потянулись в Набережные Челны отряды добровольцев. Константин Альчиков работал на машиностроительном заводе в Вятских Полянах лекальщиком 6-го разряда. В Челнах ему пришлось сменить специальность — стал бетонщиком.

Константин Альчиков, вожак одной из лучших в Набережных Челнах бригад бетонщиков-плотников. Ее легко узнают по почерку: качество работ всегда безукоризненное.

Но каким бетонщиком! Его бригада теперь гремит на стройке. Заслуженными строителями ТАССР стали Геворг Геворгян, приехавший из Армении, Александр Слободенюк — из Куйбышевской области, Евгения Вдовина — из Пензенской области, Умат Наурбиев — из Грозного. В подлинных вожаков молодежных коллективов выросли делегат XXV съезда КПСС Равис Сабирзянов, депутат Верховного Совета СССР Раис Салахов, Вазых Мавликов, Раис Ганеев. КамАЗ и город подняты сплоченными усилиями тысяч сынов и дочерей почти всех наций и национальностей Советского Союза.

КамАЗ строит вся страна! Пять тысяч заводов, комбинатов, фабрик поставляют строительные материалы и конструкции, новейшую технику и технологическое оборудование. Автоград строит вся страна! Пройдите по его проспектам, и вы увидите здания, возведенные москвичами, ленинградцами, казанцами. Прекрасно работают москвичи: их «продукция» может служить эталоном современного градостроительства, у них свой почерк, по которому можно отличить их дома в Тольятти и Ташкенте. Да и местные, челнинские строители научились работать хорошо.

На стройку пришла пора зрелости. А к этому возрасту предъявляются и требования иные. Вчерашним новичкам, сегодняшним мастерам, начальникам участков, инженерам, может быть, придется через несколько лет брать в свои руки судьбы новых строек. Начинал свою комсомольскую «карьеру» в Набережных Челнах Валерий Кузьмин. Теперь он первый секретарь обкома комсомола Татарии. Был сначала начальником одного управления Ю. Д. Чечин, потом стал заместителем главного инженера «Камгэсэнергостроя». Год назад ему доверили руководить новой большой стройкой на Волго-Доне. Процесс двусторонней связи — не только страна КамАЗу, но и КамАЗ стране — уже начался, он неизбежен и будет нарастать. Взаимная помощь — закон жизни нашего общества.

В том и состоит великая сила дружбы советских народов, что она позволяет в кратчайший срок собрать в один кулак все наши возможности и совершить то, что порой кажется невозможным. Партия всегда умела поднимать народ на великие дела, когда этого требовали интересы Родины. «Кроме Коммунистической партии,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев,— у нас нет и не может быть другой политической организации, которая учитывала бы интересы и особенности существующих у нас классов и социальных групп, всех национальностей и народностей, всех поколений, сочетала эти интересы в своей политике. Партия заботится о том, чтобы мелкие и мельчайшие ручейки текущих повседневных дел гармонично сливались в единый могучий поток».

В десятой пятилетке, пятилетке высокой эффективности производства и высокого качества, партия поставила перед строителями и рабочими КамАЗа большую задачу. У нас есть все возможности для того, чтобы полностью завершить сооружение автомобильного комплекса в этой пятилетке. Коммунисты Татарии приложат все усилия к тому, чтбы эта задача была выполнена.

ФОТОЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКИХ ДЕЛ

Издательство «Планета» подготовило к выпуску фотоальбом «От съезда к съезду». «Как создавался этот альбом!» — с таким вопросом корреспондент журнала «Огонек» обратился к директору издательства Геннадию Яковлевичу КОВАЛЕНКО.

Новый фотоальбом «От съезда к съезду» состоит из двух частей: «Мир» и «Созидание». Нам казалось, что этими словами можно наиболее точно сформулировать суть ленинской внешней и внутренней политики нашей партии. Открывает издание фотопортрет Владимира Ильича Ленина. Рядом его слова: «Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы... перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма». Яркие, незабываемые фотодокументы на следующих страницах свидетельствуют: высоко над миром реет знамя социализма!

...Зал заседаний XXIV съезда КПСС; на трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев; бурная овация — только что единодушно принята историческая Программа мира; идет совещание представителей стран — членов СЭВ; радостные лица наших друзей, приветствующих посланцев Страны Советов... Снимки рассказывают о встречах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями Венгерской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики и ряда других братских стран. Листая альбом, снова и снова убеждаешься: братский союз социалистических стран нерушим.

Прошедшее пятилетие ознаменовано новыми важными шагами Советского государства и других социалистических стран в укреплении мира между народами. Об этом говорят фотографии, об этом напоминает вступительная статья неутомимого борца за мир Николая Тихонова.

Но мир не приходит сам по себе, за него надо бороться... Знаменательной дате, 30-летию Победы над фашизмом, посвящены многие страницы альбома. Старшее поколение помнит весну 1945 года. Весна... Сколько было на земле весен? Но эту мы будем помнить всегда, она принесла народам долгожданный мир, освобождение от фашистского рабства. Весной 1945 года на Эльбе встретились советские и американские солдаты. А летом 1975 года над Землей, в космическом пространстве, встретились советский космический корабль «Союз» и американский «Аполлон». На листах альбома — момент стыковки и сами участники полета в космос. Космическая тема как бы продолжает другую большую тему — советско-американское сотрудничество. Она раскрывается в исторических фотодокументах встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом. На последующих страницах снимки Москвы и Парижа, Москвы и Бонна, Москвы и Лондона и другие кадры, сделанные в Дели, Белграде, Варшаве... Так мы пытались выразительным языком фотографии рассказать о географии международных контактов нашего государства, напомнить читателям о плодотворных визитах руководителей нашей партии и правительства в другие страны.

Второй раздел альбома озаглавлен «Созидание». Перед сотрудниками издательства и авторским коллективом стояла ответственная задача: средствами фотографии отразить путь, пройденный советским народом за годы девятой пятилетки, показать результаты успешного претворения в жизнь исторических решений XXIV съезда КПСС. Как увязать воедино, как уместить в зрительный ряд те бессчетные события в жизни нашей страны, которые мы называем свершениями пятилетки? Стройки, трудовые победы, рекорды... Авторы решили эту часть фотоальбома построить в форме дневника. Даты, строки важнейших государственных документов, а за ними снимки: доменные печи Запсиба и Караганды, КамАЗ, V Спартакиада народов СССР, переданный в серийное производство первый сверхзвуковой пассажирский самолет «ТУ-144»... Собранные вместе, эти зафиксированные камерой фоторепортера мгновения пятилетки создают впечатляющую картину.

Фотолетопись пятилетки делали журналисты самых разнообразных творческих манер и характеров. Пришлось буквально перевороошить архивы газет и журналов, ТАСС, АПН, чтобы из массы снимков отобрать наиболее выразительные. К чести фотожурналистов, надо отметить, что их документальные работы оказались на уровне самых высоких художественных требований. Рассматривая эти эмоциональные снимки, зритель как бы заново переживает этапы девятой пятилетки. Величественная панорама строительства Нурекской ГЭС, портрет знаменитого строителя Н. Злобина, бескрайние пшеничные поля и новый, совершенный животноводческий комплекс, вышедший в первый рейс атомный ледокол «Арктика»... Чередуются в альбоме темы, меняются способы подачи фотоматериала. Вот щедрая палитра красок в облике столиц союзных советских республик... В жизнь, в историю нашей страны прочно вошло слово «БАМ» — эта стройка стала бурно развиваться в прошедшей пятилетке, и альбом отводит ей свои страницы...

Великой стране, ее людям и их делам посвящен новый альбом издательства «Планета». Первые его экземпляры получат делегаты XXV съезда КПСС.

●

На первомайской демонстрации в Москве. 1975 год. * Братская ГЭС.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Синарский трубный завод. * Новополоцк. Химический комбинат. Монтаж комплексной секции.

ВСТРЕТИМ
XXV съезд КПСС
НОВЫМИ УСПЕХАМИ В ТРУДЕ!

Алексей **МЕНЬКОВ**

И ветер северный стихает

В БРЯНСКОМ ЛЕСУ

Я оступился
и упал
в окоп.
Спружинили полусухие ветки.
Сороки,
будто
на гашетки,
Нажали так,
что аж прошел озноб...
Я голову к сухой траве прижал.
Я никогда
в окопе
не лежал.
Но слишком страшное —
«свинцовый смерч» —
Впитал я с материнским молоком.
Поднялся из окопа
я рывком,
Так шел отец,
наверное,
на смерть.

МАТЕРИ

Поезд
завтра уходит
в двенадцать.
Я скажу: до свиданья
опять.
Начинает метель
бесноваться —
До зари зарядилась,
видать.
Не печалься,
присядь у лежанки.
Путь мой завтрашний
не занесет.
Не проедут дорожные санки —
Председатель пришлет вездеход.
Значит, нет для кручины причины.
Лучше чаю с малиной налей.
Спой мне песню
о тонкой рябине —
О судьбе
о нелегкой своей.

●

Шла тропинка неторопко,
До реки дошла.
С берега спустилась робко,
Брода не нашла.

Повернуть она решила,
Скрыться за бугром.
Но по ней уже спешила
Девушка с ведром.

И подумала тропинка:
«Что ж, возврата нет...»
За травинкою травинка
Заплетались в след.

По тропинке я нередко
Приходил к реке.
Рисовал ольховой веткой
На сыром песке.

Вроде бы встречал случайно
Девушку с ведром.
Слушал, как ворчал печально
Запоздалый гром.

Вскоре осень в строй солдатский
Позвала меня.
Распрощался я по-братски
На исходе дня

С загрустившею тропинкой.
И, как талисман,
Я с тропинки две травинки
Положил в карман.

Может, мало, может, много...
Пробыл вдалеке.
И теперь уже дорогой
Я иду к реке.

Ни тропинки, ни травинки —
Пыль седая, зной...
В алой, выцветшей косынке
Женщина с водой.

Мне навстречу торопливо,
Как в далекий час...
Вслух раздумывал ворчливо
Старый гром о нас...

●

Тревожный час настал — переселение
Из ветхой дачки
на восьмой этаж.
Глядит на суету с недоумением
Дворняга —
чуткий,
неподкупный страж.
...За дело принялся бульдозер яростный.
Не удержаться
прошлому
в углах.
И крыша запрокинулась,
как парусник.
В глазах дворняги замер дикий страх.
Да,
ей не суждено понять хозяина,
Что в новый дом
Ему давно пора.
Вдоль по шоссе бежит она
в отчаяньи.
Ну что за жизнь дворняге без двора!..

●

Не обожгла ни душу,
ни лицо.
Не намела сугроба на крыльцо —
Прошла зима,
как тихий человек,
Не захмелев ни разу,
прожил век.

Прошла зима,
истаяли следы.
Не стали глубже вешние пруды.
И потому
не так она красна,
Совсем недолгожданная
весна.

●

С. Н.

Ручьи работали всю ночь.
Всю ночь березы волновались.
И капли гулко разбивались,
Но им никто не мог помочь.

Так в наши сны входил апрель.
А на рассвете, на рассвете
Устало сник залетный ветер,
И сели все ручьи на мель.

А мы томились в глубине
Любви, разлуки и печали.
Мечтали: будет, как вначале...
Не веря первой седине.

●

И. С. НИКИТИНУ

...И ветер северный стихает,
И засыпает деревце...
Светает.
С неба синь стекает,
Степенно
Степью стелется.

Сроднился я в селе старинном
С простой строкою строгою,
С подлунным воздухом полынным,
С былинною дорогою.
С трудом — с рассвета до заката.
С ладонью жесткой, дедовой,
С душой далекого собрата,
Мне — столько лет! —
Неведомой.

И где ни буду я отныне,
И что со мной ни станется,
Село в кольце шоссейных линий
Навек родным останется.

Настройка аппаратуры слежения за радиозондом на научно-исследовательском судне «Академик Королев».

Фото Е. Савалова, Ю. Капитанова, Л. Шерстенникова, С. Лидова, Ю. Муравина.

Из альбома «От съезда к съезду»

ПРЕДИСЛОВИЕ К РЕПОРТАЖАМ

В тот день, когда начнет свою работу XXV съезд КПСС, ложу прессы заполнит большое число зарубежных корреспондентов. Среди тех, кто поведет репортаж из зала заседаний, будут руководитель московского бюро газеты «Нойес Дойчланд» Мартин Йон и заведующий московским бюро болгарского агентства «София-пресс» Христо Консулов. В канун съезда корреспондент «Огонька» Н. Крылова попросила их рассказать о том, как они готовятся к своим репортажам.

ХРИСТО КОНСУЛОВ. Мне довелось вести репортаж с предыдущего, XXIV съезда. Тогда с трибуны звучали слова «будет», «предусмотрено», «намечено», а теперь мы услышим: «построено», «достигнуто», «выполнено». Причем сделано гораздо больше, чем намечалось. Тогда мы еще не слыхали о БАМе, а теперь я уже проехал по первым километрам этой магистрали.

Помню ясный, солнечный день 30 марта 1971 года. Красная площадь. На мрамор ложатся алые гвоздики: делегация БКП во главе с товарищем Т. Живковым, прибывшая на съезд, возлагает венок к Мавзолею Ленина.

Через час после этого в Кремлевском дворце начал работу XXIV съезд партии. Я внимательно слушал Отчетный доклад, с которым выступал Л. И. Брежнев, и следил за реакцией зала. Все делегаты старались не пропустить ни слова, часто выражая аплодисментами свое одобрение. Чувствовалось особое, приподнятое настроение, воодушевление людей. Об этом я писал в своем репортаже. В этот же день вечером в Софии уже читали его.

Помню, какое сильное впечатление произвела на всех выдвинутая съездом Программа мира, и помню скепсис некоторых западных журналистов, которые выражали сомнения: дескать, все это так далеко от реальности... А сегодня под текстом Заключительного акта, принятого в Хельсинки, стоят подписи руководителей 35 государств.

МАРТИН ЙОН. Во время поездки на Дальний Восток я познакомился с одной очень гостеприимной русской семьей. Это было на Сахалине, в городе Оха. Сначала разговор шел о работе, и наш хозяин, оператор с нефтепромысла, рассказывал, какие огромные усилия требуются, чтобы добывать здесь нефть. А потом я спросил его: «Скажите, какое событие в жизни вам больше всего запомнилось?» Не задумываясь ни на мгновение, он ответил: «Когда тридцать лет назад я увидел женщину, которая бежала по середине мостовой и кричала: «Мир! Мир! Война кончилась!»

Страна, которая пережила такую войну и сумела совершить то, что мы видим своими глазами сегодня, превыше всего ценит мир и активно за него борется. Мир, безопасность — это основа уверенности, оптимизма советских людей, всего социалистического содружества. Об этом шла речь на предыдущем съезде. КПСС последовательно и настойчиво осуществляла намеченный курс все эти годы. Для моей страны, ГДР, подписанный в Хельсинки документ имеет особое значение, ведь в нем утверждается нерушимость границ европейских государств, пересмотреть которые кое-кто еще не прочь.

ХРИСТО КОНСУЛОВ. Минувшее пятилетие можно назвать и пятилеткой интеграции. В 1971 году была принята Комплексная программа социалистической экономической интеграции. По мере ее осуществления неуклонно растет экономический потенциал всех стран социалистического содружества. Сегодня государства — члены СЭВ производят более четверти мирового национального дохода.

Мне пришлось очень много поездить за эти годы. Мурманск и Певек, Ашхабад, Брест, долина гейзеров на Камчатке — это только самые крайние пункты командировок. Мой паспорт недавно пришлось сменить — не было места для новых «прописок». Во время поездок я своими глазами видел, как осуществляются решения XXIV съезда и как входит в нашу жизнь интеграция.

С группой зарубежных журналистов я недавно побывал на Дальнем Востоке и стал свидетелем того, как каждый из нас, представителей братских стран, встречался со своими «земляками». Чехи встретили свои «Татры», в Билибине на драге я обнаружил болгарские электромоторы и насосы, а в Певеке я увидел судно, доставившее болгарские консервы. Венгры нашли свои охладители на атомной станции в Билибине. И еще я узнал: за девятую пятилетку 5700 сахалинцев отдыхали в Болгарии.

МАРТИН ЙОН. Встреч со своей страной здесь, в СССР, и у меня было немало. Обычно я начинал беседу с советским человеком традиционной фразой: «Вот у нас в ГДР...» Меня тут же перебивали: «Знаю, знаю, я был там, я знаю этот завод в Дрездене... Я встречался со специалистами из ГДР». Так выяснялось, что в Советском Союзе, как и в моей стране, специалисты детально изучают опыт друг друга. Процесс интеграции как бы перешагнул государственные границы и вошел в нашу повседневную жизнь.

Совсем по-иному пытаются толковать суть социалистического содружества наши враги. Раздаются клеветнические голоса, стремящиеся опорочить новый тип отношений. Можно услышать такие утверждения, что, дескать, СЭВ выгоден только Советскому Союзу, который якобы эксплуатирует малые страны.

ХРИСТО КОНСУЛОВ. Меня возмущает вздорность и беспочвенность подобных измышлений.

Мы, болгары, хорошо знаем, что такое плечо друга, братская взаимопомощь. В нашей стране за годы народной власти с помощью Советского Союза мы создали свою промышленность. Но для нее нужно сырье — нефть, лес, газ, руда, многое другое. Республика не располагает достаточными природными запасами. Советский Союз, например, располагает большими запасами леса, но не хватает рабочих рук. Давайте договоримся, предложили нам советские товарищи, приезжайте, добывайте лес, это будет выгодно и вам и нам. И вот уже восемь лет мы успешно сотрудничаем в этой области.

Хочу привести слова болгарского рабочего, который строил целлюлозный комбинат под Архангельском. Он дважды продлевал свой договор и проработал в СССР шесть лет. «Вместе с советскими людьми мы закладывали фундамент комбината, и он стал фундаментом нашей дружбы, которая рождалась в суровых трудовых буднях. Стройка на севере — дело нелегкое, а друг, проверенный в трудном деле,— друг настоящий».

Интеграция — понятие не только экономическое. Чувство коллективизма, морально-политического единства, ощущение причастности к общему делу — вот тот самый крепкий цемент, который скрепляет содружество социалистических стран.

МАРТИН ЙОН. Да, социалистическая интеграция дает выигрыш всем участникам. Каждый проект, договор, соглашение между социалистическими государствами принципиально основываются на равноправии, взаимной пользе, служат национальным интересам страны и всего содружества в целом.

Именно в этом смысл принятого в Будапеште в июне прошлого года на 29-й сессии СЭВ согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий на 1976—1980 годы. Это первый такого рода документ в истории международных отношений. Здесь перестают действовать законы школьной арифметики, и, казалось бы, простое сложение сил на самом деле дает небывалое умножение сил.

ХРИСТО КОНСУЛОВ. Раз уж речь зашла об арифметике, хочу привести пример. В сентябре 1956 года я побывал на строительстве Иркутской ГЭС, как раз перед пуском первого агрегата. Ее мощность — 660 тысяч киловатт. В том же году я попал в Обнинск, на первую атомную,— она давала тогда 5 тысяч киловатт. А сегодня мощность только одной Ленинградской атомной — два миллиона киловатт — больше, чем предусматривал план ГОЭЛРО! В десятой пятилетке в Литве будет строиться станция с реакторами единичной мощностью в полтора миллиона. Об этих масштабах я размышляю, когда готовлюсь вести репортаж с XXV съезда.

МАРТИН ЙОН. Меня как экономиста привлекает исследование качественной стороны больших цифр. Важно не просто показать, предположим, как много Советский Союз строит. Важно показать, во имя чего и как. А это уже не просто экономика, здесь разговор переходит в сферу морально-политических преобразований, в сферу новой, коммунистической нравственности. Сооружается БАМ или очередная гигантская электростанция, с ними вместе строится и новый человек. Вот что главное, на мой взгляд! В этом, если хотите, закономерность социализма. Существует и обратная связь: человек, морально окрыленный, имеющий возможность применить все свои способности, может необыкновенно много дать обществу.

К этой мысли я пришел, встречаясь с самыми разными людьми, с рабочими, руководителями предприятий, с художниками, молодежью.

Главным героем наших репортажей был и остается коммунист — рабочий, сельский труженик, директор завода, председатель колхоза, секретарь райкома. Именно эти люди своей жизнью, своей работой показывают, как велико это звание — коммунист. Именно они претворяют в жизнь политику КПСС, четко выполняя программу, намеченную партией. Съезд, который на днях откроется, назовет имена новых героев будущих репортажей. И для всех коммунистов примером подлинного служения великому делу является деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Мы уверены, что открывающийся съезд станет поистине историческим событием!

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ ПОЭЗИИ

Он был обыкновенным человеком: коренастым, небольшого роста, черноглазым и смуглым. Обыкновенным? Только на первый взгляд и лишь для своей необыкновенной эпохи.

Стремительно развертывалась биография Мусы Джалиля. В тринадцать лет он написал стихи:

Если б саблю я взял,
если б ринулся с ней,
Красный фронт защищая,
сметать богачей...

А уже через год носился Муса по оренбургской степи с отрядом, громившим кулацкие банды. В 1922 году Джалиль приехал в Казань, учился на рабфаке. Закончив его, уехал на родину, в оренбургские края, с головой ушел в комсомольскую работу.

С 1927 года Муса Джалиль в Москве, работает в ЦК ВЛКСМ и редактирует татарский пионерский журнал. К тому времени был издан первый сборник его стихов «Идем».

Джалиль успевает и сдавать очередные экзамены на литературном факультете Московского университета и ездить по стране, чтобы рассказать об увиденном на страницах газет и журналов.

В довоенные годы вышло более десяти книг поэта на родном языке. В Татарской республике стали популярными песни на слова Джалиля, а стихи его входили в хрестоматии, антологии. Он приобретал всесоюзную известность. Жизнерадостная поэзия Джалиля ярко выражала его мироощущение и пафос социалистического созидания. Трагические ноты пришли к поэту позже.

В грозные дни 1942 года он на Волховском фронте. Старший политрук Джалиль работает в газете «Отвага». Обстановка однажды сложилась особенно тяжелой. Сотрудники газеты с боями пытаются выйти из окружения, но это удается только нескольким. Военкор Джалиль, раненный, попадает в плен.

Пленного Мусу Джалиля отправили в один из концентрационных лагерей. В это время гитлеровское командование вынашивало план: создать из числа военнопленных нерусской национальности особые войсковые соединения и затем бросить их на фронт, против Красной Армии. Чтобы подорвать замыслы фашистов, Джалиль и его товарищи, сплотившиеся в подпольную организацию, дали согласие войти в состав легиона «Идель-Урал». В редакции легионерской газеты подпольщики печатали листовки с призывом обратить оружие против самого врага. Для той же цели использовались и «художественная самодеятельность» и стихи Мусы Джалиля, ходившие по рукам чаще всего как безымянные. В неравной борьбе подпольщики сумели достичь успеха: первый батальон легиона «Идель-Урал», хотя и был отправлен на фронт, в районе Витебска, еще не добравшись до передовой, перебил немецких офицеров и присоединился к белорусским партизанам.

Близился август 1943 года. Ободренные успехом, джалиловцы готовили общее восстание в лагере.

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к Отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Но и гитлеровцы усиленно искали «возмутителей», влиявших на настроение легионеров. Подосланный предатель напал на след организации. Арест. Тюрьма. Допросы. Издевательства. Предложения отречься, раскаяться. Снова допросы и побои. И так ежедневно.

С мужеством и достоинством держался Муса Джалиль. Он знал, что долг свой исполнил: боролся, звал других на борьбу, остался верным Родине. Гитлеровцы устроили суд в Дрездене, всех руководителей подполья приговорили к смертной казни. Потекли дни и месяцы в ожидании последнего часа.

Джалиль спешил: стихи старые и новые, трагические и светлые, он заносил в самодельные блокноты. Теперь эти стихи известны всему миру под названием «Моабитские тетради». Они свидетели высоты духа советского человека, не сломленного испытаниями.

25 августа 1944 года Муса Джалиль и еще десять его товарищей были казнены. Но подвиг узников обрел бессмертие.

Для самого Джалиля это двойной подвиг. И поэтический и гражданский. За беспримерное мужество ему присвоено звание Героя Советского Союза. За создание великолепного шедевра поэзии — моабитского цикла стихов — он увенчан званием лауреата Ленинской премии.

Джалиль — наш современник. Растет в Татарии молодой город его имени. Он почетный член одной из бригад строителей КамАЗа, участник созидательных дел.

Будешь в памяти нашей нетленно
Жить, покуда свободен народ.
Кровь твоя ворвалась в наши вены —
По земле твоя кровь не течет.

Эти слова Джалиля мы обращаем сегодня к нему — поэту и герою.

Виль ГАНИЕВ

ВНУКИ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ

Среди воинов, сто лет назад освобождавших братскую Болгарию от турецких завоевателей, были уроженцы села Соколовки (на Винничине) Ефим Задворный и Мокий Тымчик. Когда они возвращались на Родину, болгарские женщины подарили им рушники.

Выполняя волю Ефима Задворного, подарок болгарских друзей передавался из поколения в поколение. А недавно внучка воина, учительница местной школы-интерната Мария Петровна Задворная, принесла семейную реликвию в сельский краеведческий музей.

Внук другого участника битвы на Шипке — Иван Стахович Тымчик передал для экспозиции музея некоторые свои документы. Деду Мокию не пришлось бы краснеть за внука: на груди Ивана Стаховича орден Ленина, награды за участие в Великой Отечественной войне. Ветерану присвоено почетное звание «Заслуженный колхозник села Соколовки».

Л. ШАМИС

Винница.

БУДУ ВЕРЕН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Когда я увидел в «Огоньке» (№ 44, 1975 г.) материал о городе Фрунзе, то очень обрадовался и разволновался. А потом, откровенно говорю, сильно рассердился на себя. Как же так могло случиться? Жил я там 15 лет, а оказалось, совсем не знал своего родного города, не знал, что у него такая интересная биография.

Полтора года я служу в рядах Советской Армии. За старательную службу получил отпуск на 10 суток. Был дома, ездил в город, но не увидел ни нового Дворца спорта, ни других новых зданий, построенных за время моей службы. Отец рассказывал мне о великолепном аэропорте «Манас», и теперь я очень сожалею, что не поехал тогда посмотреть его.

Раньше я почему-то думал, что если буду служить в другом краю, то и останусь там жить. Но, прочитав ваш материал «Молодость Киргизии», я как бы заново увидел свой родной Фрунзе, познакомился с ним ближе, узнал его прошлое, заглянул в его будущее. Большое спасибо вам за это открытие.

Мне также очень понравились стихи и песня о новой Киргизии.

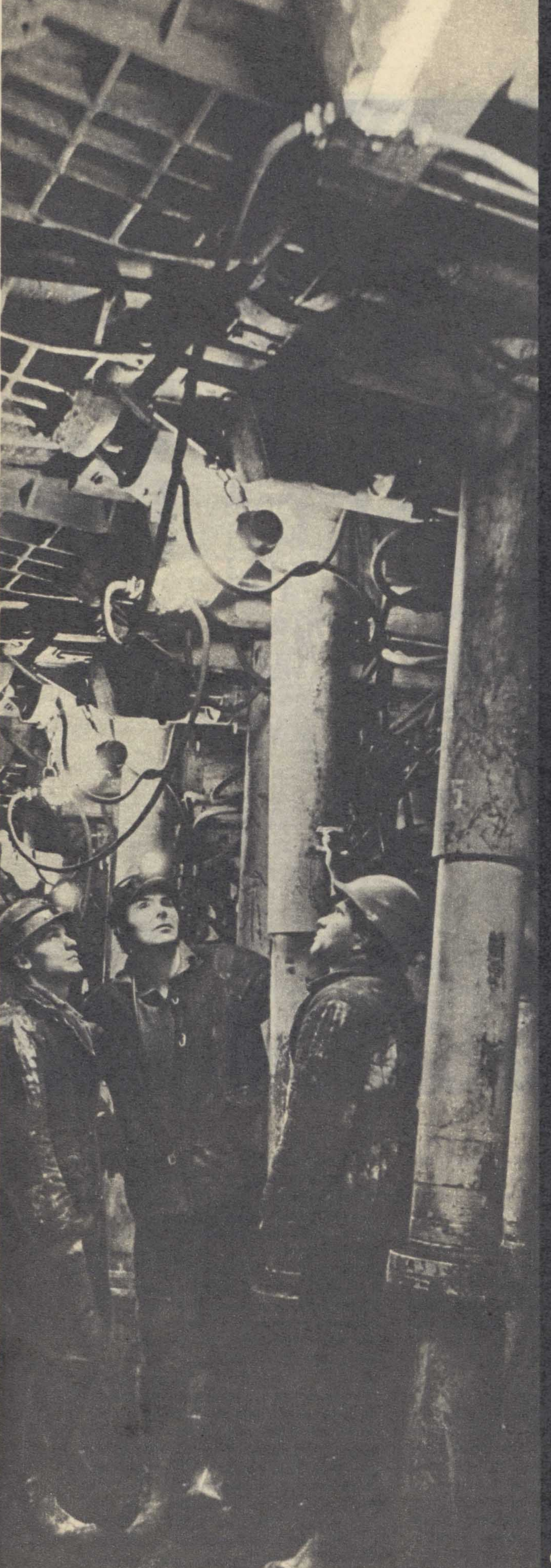
До армии я работал трактористом в колхозе, видел, как старательно и бережно ухаживают за каждым деревом в саду колхозники, знаю, как они преданы своему делу, своей родной земле.

Я благодарен инженеру колхоза, который научил меня уважать технику. Я благодарен своему отцу (он тоже тракторист), который привил мне любовь к этой нелегкой профессии, всегда и во всем помогал мне. Я благодарен всем работникам колхоза и хочу сказать, что обязательно вернусь из армии домой, буду трудиться на родной земле и буду верен ей.

Рядовой Владимир РЕЙМХЕ

ОГНИ РАС

Осмотр лавы.

Интерьер шахты.

ПАДСКОЙ

Юрий ЛУШИН

Фото автора

Путь к углю.

«ЗАКОНЧИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО ШАХТ РАСПАДСКАЯ № 1—2...»

Из Директив XXIV съезда КПСС.

«ДОВЕСТИ ДОБЫЧУ УГЛЯ В КУЗБАССЕ ДО 161 МЛН. ТОНН.»

Из Проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии.

Елки удивительной красоты своими верхушками метили прямо в космос, из бездонности которого тянулись к снегу нити солнца. Снег неистово искрился, и, если долго смотреть на него, в глазах темнело, и казалось, будто это не снег, а черный пласт угля. Но уголь был ниже, там, под снегами, под корнями елок, под дорогой.

— Тут, где ни копни, кругом уголь, — сказал, словно уловил мои мысли, Александр Сандрович Тульчинский, начальник восьмого участка.

Впрочем, это было немудрено. О чем же еще думать, если ехал я смотреть пуск второй очереди шахты. То есть, конечно, еще не сам пуск, не момент нажатия некоей главной кнопки, после чего придут в движение все механизмы, а то нелегкое будничное дело, которым парни Тульчинского приближали праздник. А творили они неслыханное. В лаве третьего блока монтировался новейший угледобывающий комплекс КМ-81Э. И вот вместо месяца комсомольско-молодежная бригада Николая Касьянова смонтировала этот комплекс за 12 дней.

— У шахтеров существует неписаный закон, — объяснял Тульчинский, — ну, может, не закон, а правило: если бригада хорошо провела монтаж, дело у нее пойдет тоже хорошо.

Монтаж мы решили вести не отдельными частями, а целыми секциями, причем монтировать не в лаве, а тут, наверху. Вниз же готовые секции комплекса спускали на тележках по рельсам. Это значительно удобнее и быстрее, чем вести сборку непосредственно под землей.

— Вы сказали, что комплекс новейший...

— Да, таких еще не бывало. Он производительнее других тонн на пятьсот, к тому же в работе очень надежен и удобен. Об этом комплексе я узнал еще несколько лет назад в институте повышения квалификации при Министерстве угольной промышленности. Профессор Сурен Хоренович Клорикьян предложил мне разработать технологию, по этой теме я и диплом защищал. Сразу же захотелось внедрить его в производство, но на шахте Зыряновская, где я работал тогда, для этого не было подходящих геологических условий. Дело в том, что мощный комплекс наиболее эффективен на мощных пластах угля. Такие есть тут, на Распадской. У нас на третьем блоке, например, мощность пласта до четырех метров доходит...

Мы как раз приехали на третий блок, спустились под землю и шли по одному из подземных коридоров. Слева и справа от нас таинственно мерцали сколы угля. Тульчинский продолжал рассказывать, добавляя легко и непринужденно почти к каждой фразе прилагательное «уникальный». Уникальный комплекс, уникальный углеспуск спирального типа, уникальный конвейер производительностью 1200 тонн в час, уникальная шахта, наконец... И я понимал, что без превосходных степеней тут действительно трудно обойтись. Я бывал на шахтах Караганды, Воркуты, Урала, Норильска и уже привык к тому особому комфорту, которым окружают шахтера на поверхности. Распадская и в этом смысле, мне кажется, выходит на первое место. Восхищают великолепные помещения, зимний сад, зрительный зал (помимо этого, в Междуреченске строится свой Дворец культуры), столовая, прекрасные душевые, поликлиника, эскалатор (его строили московские метростроевцы), по которому шахтеры поднимаются в здание прямо от электрички... Но Тульчинский говорил не об этом. Человек дела, он восхищался, так сказать, деловыми качествами шахты. Блочным методом разработки пластов, например. Высочайшим уровнем механизации, мощностью шахты, производительность которой с пуском

·Звеньевой Юрий Маковейчук и шахтер Николай Сахарук.

Александр Тульчинский.

второй очереди достигнет шести миллионов тонн угля в год, а с пуском третьей возрастет до 7,5 миллиона. Мощнее ее в мире нет.

— Представляете себе такую гору угля? — восторгался он. — Нет? Честно говоря, я тоже. Но тут и увидеть ее нельзя, потому что весь уголь прямо с конвейеров грузится непосредственно в вагоны — и ни пыли тебе, ни грязи. Есть и склад, но он закрытого типа. Такой, кстати, тоже впервые в стране создан.

— Уникальный?

— Уникальный, — засмеялся он.

Казалось, о Распадской он мог говорить бесконечно. Теперь я и без вопросов понимал, почему он пошел сюда начальником участка, хотя на Зыряновской был уже заместителем директора шахты. В жизни важно не положение, а дело, которое ты любишь и которому отдаешь свои силы, рассуждал он. Шахтерское дело Александр Сандрович знал с юности, потому что вырос в Донбассе и там начинал когда-то лесогоном. Тут же и должности такой в шахте нет, все делают машины. После окончания Ленинградского горного института его приняли в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского маркшейдерского института. Институт внедрял свои разработки на шахтах Кузбасса, и Тульчинский, рассудив, что будущему ученому просто необходимо хлебнуть практики, забрал документы и махнул в Новокузнецк, устраиваться на работу. Практика его несколько затянулась, но я не заметил, чтобы Тульчинский страдал от этого...

Мы шли уже довольно долго. Я хотел было спросить, когда же мы придем, как вдруг в глаза ударил голубой свет дневных ламп, и в следующую секунду я уже стоял в лесу из стальных колонн. Колонны подпирали рубчатую стальную кровлю, прочную и надежную. Поодаль стояла машина с двумя огромными круглыми фрезами, и я догадался, что это комбайн.

— Вот он, наш комплекс, — ласково похлопал по одной из стоек Тульчинский. — Технология проста: комбайн вгрызается в уголь, кровля вместе со стойками передвигается за ним. Только кнопки успевай нажимать.

— Новая шахта и от самих шахтеров требует, вероятно, каких-то новых качеств? — спросил я.

— Самостоятельного мышления требует и знаний. И образования. Например, слесарь тут должен знать и механику, и автоматику, и электронику, и в чертежах разбираться. Наши слесари Владимир Пьянков или Валерий Товпеко телевизор запросто могут собрать — асы! Кстати, хотите увидеть, как бригада Николая Касьянова первый уголь даст?

— Хочу, но ведь до официального пуска-то еще десять дней...

— А у нас все готово, и самим не терпится проверить, как дело пойдет. Всякое бывает, вдруг какие-то неполадки вылезут.

Мы остановились у комбайна, и Николай Касьянов как-то очень по-домашнему сказал машинисту Ивану Куртукову:

— Ну, Ваня, поехали...

Куртуков нажал кнопку. Комбайн ожил, дернулся, пошел, неожиданно легко вгрызаясь в стену угля. Казалось, это не стоило ему ни малейшего усилия. Машинист крепи Василий Дрога передвигал вслед за комбайном крепь... И потекла, потекла по конвейеру черная река угля. Наверное, им всем хотелось, чтобы эта река текла, не переставая, но комбайн внезапно остановился, и в наступившей тишине я услышал сожалеющий голос бригадира:

— Прекрасно пошел комбайн, без сучка, без задоринки. Эх, жаль, основной конвейер еще не готов, а то хоть сейчас в пласт врубились бы...

Настоящая работа началась ровно через десять дней. И все было почти так же, как и тогда, в час пробного пуска. И слова Касьянов произнес почти те же самые:

— Кажется пора, Иван, трогай...

И так же неукротимо двинулся вдоль стены угля комбайн, но уже не остановился через двадцать метров. И, не останавливаясь, текла теперь черная река угля по конвейерам, пока не достигла поверхности земли и не брызнула в вагон. Теперь ей течь, не переставая, долгие, долгие годы...

Я уезжал в Междуреченск. Позади светились огни Распадской. С гор рвалась вниз река Ольжерасс, пробивая себе ход в снегах, сопротивляясь морозу. Вода ее ослепительно чернела среди снегов, и казалось, что это вовсе не вода, а черная лента угля, которую выдавливают из недр земли окружающие сопки. Тут, где ни копни, кругом уголь...

Кадр из фильма.

Проклятая стена

Великая китайская стена... Гигантским драконом распласталась она через всю страну, веками изумляя человечество чудовищной бессмысленностью своего предназначения: отгородить страну от остального мира.

Два тысячелетия спустя Мао Цзэ-дун и его сподручные задались целью еще более немыслимой — окружить Китай стеной страха, которая должна пройти через каждый дом, каждую семью, через сердце каждого китайца.

Преступная цель определила и преступные средства: разгром коммунистической партии, истребление прогрессивной интеллигенции, геноцид в отношении неханьских народов, одурманивание молодежи.

Да, мы это знали. А теперь увидели своими глазами.

Документальный фильм «За стеной страха», созданный Центральным телевидением, стал суровым и неопровержимым обвинением маоистского руководства. Каждый его кадр — показания жертв, вырвавшихся из ада.

Те, у кого в Китае остались близкие, прячут лица либо рассказывают, повернувшись к зрителю спиной; те, у кого уже никого не осталось, называют свои имена.

«...У нас стали отнимать детей. И тогда мы обратились к китайским начальникам, просили оставить нам детей, не увозить их... Мы стояли на площади, ждали ответа. Тут начали стрелять из пулеметов. Прямо в нас, прямо в нас... Многие были убиты сразу же, некоторые ранены. Люди стонали, ползли все в крови... И дети, совсем маленькие...» — говорит уйгурская женщина.

Мы видим и других детей — китайцев — с игрушечными автоматами. Конечно, мальчишки всего мира любят играть в войну. Но сегодня в Пекине хотят, чтобы они играли т о л ь к о в войну. И то, что мы видим, уже не игра: орущие юнцы тащат окровавленного человека. «Через несколько секунд этот человек, старый учитель, будет убит»,— слышим мы голос диктора.

Сегодня их учат ненавидеть отцов. А завтра?.. «Мы должны покорить земной шар. О том, как работать на Солнце, мы пока говорить не будем». Эти слова Мао Цзэ-дуна в комментариях не нуждаются.

Глобальная термоядерная бойня видится пекинским стратегам кратчайшим путем для достижения их безумных целей. Ставка на третью мировую войну — одна из главных причин, побудивших председателя Мао порвать с мировым коммунистическим движением, расправиться с инакомыслящими. Обманута молодежь. Ей обещали все — она не получила ничего. Поколение, бросавшее в огонь книги Максима Горького и Цюй Цю-бо, обожгло не только руки, но сожгло и души.

То, что мы увидели на экране,— трагедия китайского народа, мрачная страница его истории. Но пишется история не на одной странице и не одним человеком. «Мы верим, что нынешние события в Китае — исторически преходящий этап его развития. Мы верим, что, несмотря на все трудности, дело социализма в Китайской Народной Республике победит». Эти слова Л. И. Брежнева выражают мысли и желания каждого советского человека.

А. СТЕПАНЕНКО

«За стеной страха». Телефильм творческого объединения «Экран». Авторы сценария — Гао Лин-вэй, Н. Солнцев. Режиссер — В. Стрелков, оператор Е. Яковлев.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АГНИИ БАРТО

ПАРОЛЬ В СТРАНУ ДЕТСТВА

Происходит удивительное, когда на открытии «Книжкиной недели» в Колонном зале Дома союзов выступает Агния Барто. Она подходит к микрофону и успевает прочесть только первую строчку:

Уронили мишку на пол...

Только одну строчку... Остальное вслух читает зал:

...Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу —
Потому что он хороший.

И так все выступление. Автор произносит первые строки стихов, и в то же мгновение зал являет собою свидетельство необыкновенного, волшебного могущества детской литературы: стихи читают и маленькие, и те, кто постарше, и молодые родители, и люди пожилые.

Не зря говорят: взрослый — это бывший ребенок. Все мы вышли из страны детства, в которую обратно уж никогда не вернешься. Но для многих из нас заветным паролем в эту страну навсегда останутся строки стихотворений Агнии Барто. Помните?

Лешенька, Лешенька,
Сделай одолжение.
Выучи, Алешенька,
Таблицу умножения!

Или:

А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Агния Барто — добрый поэт. Ее стихи воспитывают в человеке с самого малого возраста любовь к окружающим, любовь к животным, к родной природе, верность красному флажку, который несет на демонстрацию октябренок, и за ним мы видим настоящее красное знамя, которое понесет этот человек, став взрослым.

В своих стихах, и лирических и сатирических, Агния Барто смело раздвинула рамки разговора с ребенком. Она умеет душевно, умно и остро говорить с растущим человеком о мире, о серьезных явлениях жизни. В большом, недавно вышедшем сборнике «Твои стихи» Агния Львовна обращается к детям всех возрастов. «Мой дорогой читатель! — пишет она.— Пусть «Твои стихи» сопутствуют тебе и маленькому, и в школьные годы, и на пороге юности. Пусть они растут вместе с тобой».

Поэзия Агнии Барто давно и прочно вошла в золотой фонд не только советской, но и мировой детской литературы. Книги ее переведены на 76 языков народов СССР и зарубежных стран. Во время ее поездки в Исландию, услышав, какими тиражами изданы книги Агнии Львовны, мэр Рейкьявика быстро подсчитал: этими книгами можно покрыть чуть ли не всю поверхность его страны. Действительно, существует особая, поэтическая держава Агнии Барто, чье творчество отмечено высокой наградой — Ленинской премией.

Поразительным явлением в нашей литературе, в нашей общественной жизни стала необычная книга писательницы — «Найти человека», вышедшая в 1975 году третьим изданием. Тираж ее только на русском языке больше трех миллионов, а она выходила и в республиках и в разных странах. Эта повесть Агнии Барто — результат ее благороднейшего — гражданского, человеческого, писательского — поиска.

Известно, как цепка, как надежна детская память. Маленький ребенок может не знать ни имени своего, ни фамилии, но точно помнит мельчайшие детали, несущественные на первый взгляд подробности. И Агния Барто взялась, казалось бы, за невероятное — разыскать потерянных на военных перекрестках детей по их воспоминаниям. Такой необычный способ поиска выбрала она благодаря точному и тонкому пониманию детской души. Помогло ей и радио — передачи «Найти человека» писательница вела по радиостанции «Маяк» девять лет — и тысячи писем незнакомых людей, принявших близко к сердцу эту благородную идею. Думаю, что многие из них были читателями Агнии Барто, помнили ее стихи, учившие человечности и деятельному добру.

И вот можно подвести итоги. Найдены сотни детей, разбросанных войной. Многие люди благодаря Агнии Барто отыскали сыновей, дочерей, матерей, отцов, сестер, братьев. И за этот подвиг низко кланяются они ей.

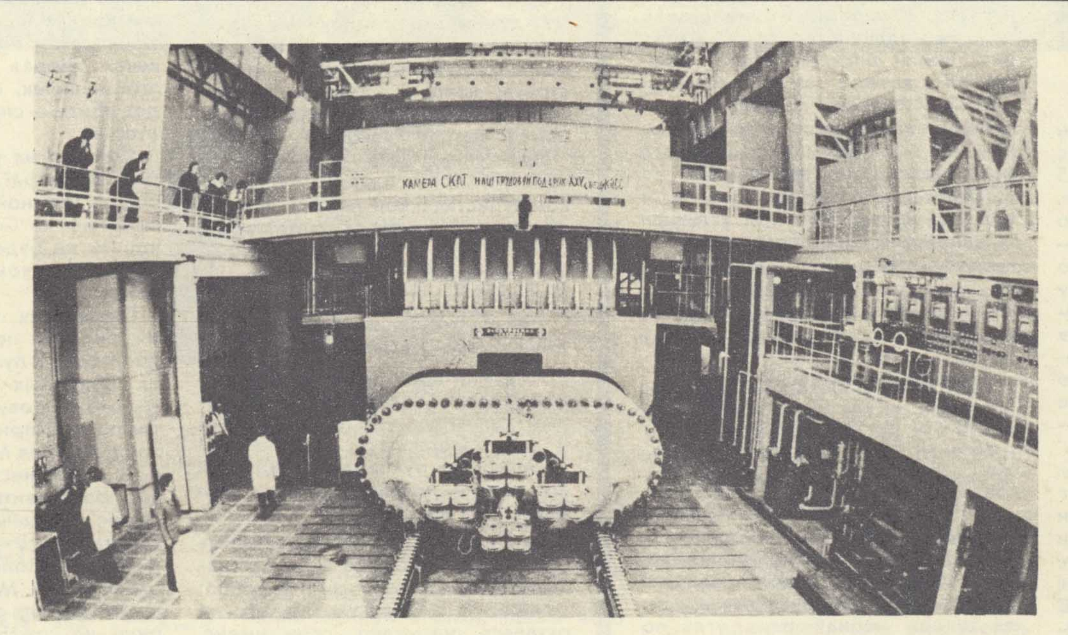
В эти дни Агния Барто отмечает свой юбилей. Но это не только ее праздник. Это праздник и многих миллионов ее читателей. Как всегда, она полна творческих сил: заканчивает новую книгу для детей, вносит последние поправки в верстку книги «Записки детского поэта». Продолжается ее огромная переписка с читателями и работа во многих общественных организациях, которых не перечислить. Недавно прозвучала новая телепередача Агнии Барто «Когда я не пишу стихи».

Не верьте, она их непрерывно пишет.

Альберт ЛИХАНОВ

РАСКРЫВАЯ ТАЙНЫ МИКРОМИРА

СКАТ — ловушка для нейтрино. Фото В. Якобсона

Нейтрино... Самая загадочная, самая неуловимая из элементарных частиц.

«Нейтрино» в переводе на русский — «нейтрон-малышка»: масса его исчезающе мала. Образуясь в недрах Вселенной, эти частицы пронизывают Землю и другие планеты, абсолютно не отклоняясь от своей траектории,— настолько феноменальна их проникающая способность. Ученые возлагают большие надежды на то, что познание нейтрино и природы его взаимодействия с веществом откроет человеку путь к неисчерпаемым запасам энергии.

Но исследовать нейтрино, пришедшие из космоса, очень и очень трудно. Экспериментатору нужно постоянно иметь их в своем распоряжении. Причем не одну и даже не тысячу — миллиарды частиц.

Для этой цели в Серпухове, в Институте физики высоких энергий, создан новейший исследовательский комплекс, настоящий завод по производству нейтрино. В одном конце его огромного «цеха» в ускорителе рождается мощный поток протонов, разогнанных до 70 миллиардов электрон-вольт. Затем протоны направляют на ядерную мишень, где генерируются частицы, при распаде рождающие нейтрино. Чтобы отделить от них нейтрино, на пути потока ставят гигантский стальной «кирпич» — 20 тысяч тонн железа! В нем надежно вязнут все частицы, кроме всепроникающего нейтрино, который попадает в «ловушку», где и начинается его исследование.

Эта ловушка для нейтрино, или, как ее называют специалисты, пузырьковая тяжележидкостная камера СКАТ, впервые была пущена в работу в один из последних дней прошедшего года.

Каким же образом исследуют нейтрино? Ведь эта невидимка не имеет ни веса, ни электрического заряда, ни магнитного поля, и обнаружить ее просто невозможно.

И все же ученым удалось найти способ изучения нейтрино. Его природа постигается через свойства других элементарных частиц.

Если хотя бы одно из миллиардов нейтрино, пролетающих через СКАТ, прореагирует со специальной жидкостью, заполняющей камеру, то в результате этого взаимодействия появятся вторичные частицы. Изучая поведение этих частиц в магнитном поле, ученые тянут цепочку «расследования» к нейтрино.

Рассказывает первый заместитель директора Института физики высоких энергий доктор физико-математических наук В. А. Ярба:

— СКАТ — это одна из крупнейших камер в мире. Ее рабочий объем — 7 кубометров, вес — 1400 тонн. Камеру отличает высочайшая точность, с которой можно проводить эксперименты. Например, ошибка при определении траектории вторичных частиц не превышает сотых долей процента. Особо надо сказать о стекле, отделяющем рабочий объем камеры от фотоаппаратов, которые фиксируют все происходящее в ней. Никогда еще не отливали такого крупного (его длина свыше четырех метров) и в то же время такого однородного стекла. Обрабатывать результаты экспериментов помогают мощные электронно-вычислительные машины. Для создания всего этого комплекса понадобилось участие многих институтов и заводов.

С. ВЛАСОВ

И. Шевандронова. Род. 1928. МОЛОДЫЕ. 1975.

А. Полюшенко. Род. 1911. АВТОБУС ПРИШЕЛ. 1975.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Георгий БЕРЕЗКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Поля, прижав к груди тетрадку Снегиря, прислушалась к удалявшимся шагам и обернулась на шаги, раздавшиеся сзади. Из другой комнаты вышел Сведомский — темный, тоненький, взлохмаченный — и постоял, озираясь по углам.

— Где все? — спросил он.— Куда все подевались?..— И вскрикнул прерывисто, на вдохе: — Убежали!

Поля, изумившись, молчала.

— Они бросили нас! Я знал... так и будет!

— Как ты можешь?! — попрекнула она.— Ты же ничего не знаешь!

— Я слышал какой-то разговор, потом заснул... Почему ты не разбудила меня?..— Волнение перехватывало его голос.

— Да ты послушай...— Поля подошла ближе.

— И тебя они тоже бросили... Вот это необъяснимо.

— Что ты выдумываешь? Никто меня не бросал... Ну, успокойся, успокойся...

Он попятился от нее.

— Значит, ты все знала и молчала. Теперь понятно... Ты знала, что готовится побег, и молчала. Тебе приказали молчать... И ты предала меня.

— Что тебе только в голову не взбредет! — Она была так ошеломлена, что даже не возмутилась.

— Ну да!..— в отчаянии выкрикнул он.— Они убежали, а нас за то, что мы знали и молчали... Теперь все! Кто же теперь поверит, что мы не знали про побег! А ты ведь знала.

Он стоял там же, где четверть часа назад стоял Снегирь; та же догоравшая свечка освещала его. И он был сейчас очень нехорош: весь помятый, с красными полосами на лице от подушки, с тускло лоснившейся потной кожей... Но удивительным образом Поля видела только то, что он страдал. И не сравнение своего избранника со Снегирем — красивым и храбрым — мучило ее, а острая жалость, боль сострадания — все то, что рождается из любви.

— Ты сам себя не слышишь... Что ты говоришь!.. Женечка! — просяще сказала она.— Господи, какой ты нервный!

— Теперь уже конец... Пуля в лоб! — в бессилии, с убежденностью сказал Сведомский, как бы наказывая ее своей гибелью.— Или петля на площади.

Но никогда еще его слабость не вызывала у Поли такого сильного желания избавить любимого человека от этих страданий слабости.

— Да ты послушай же! Через полчаса, даже раньше, может быть, ты... ты будешь на свободе,— сказала она.

— Я? Как это на свободе? — Он не понял.

— Ты... будешь совсем свободен.

— Мы тоже бежим? — спросил он неуверенно.

— Нет, мы не бежим.— И с неизъяснимым, как вдохновение, чувством она сказала: — У меня есть пропуск для тебя.

— Для меня? Пропуск?

— Ну да. Ты покажешь его, и тебя выпустят, как этих двух женщин, этого профессора...— Поля вынула из карманчика на груди узкую бумажку.— На, возьми! Ты сегодня же ночью будешь, где захочешь... Но лучше не оставайся в городе.

Сведомский остолбенел, не пошевелился, и она вдруг рассмеялась — ей стало и вправду смешно теперь, когда он был спасен.

— Какой у тебя дурацкий вид! Зачем только я с тобой связалась?! Возьми же, не бойся.

Он нерешительно протянул руку, а затем почти выхватил бумажку и повернулся к все еще горевшему фитильку... Но ничего сразу не смог прочитать — текст показался ему смазанным, превратившимся в сплошное серое пятно.

— Сам капитан Владиславлев подписал, никакой фальшивки,— смеясь, сказала она.

«Освободить...» — было первое, что он разобрал, потом: «Предъявителя сего...»,— далее под текстом: «Начальник гарнизона...»

— Это мне? И я могу уйти? — спросил он.

— Можешь, можешь! Надо только подождать солдата, который проведет тебя...

И Сведомский словно бы прозрел.

— Поля! — выкрикнул он.— Это такой же пропуск, что был у профессора?

— Такой же точно.

Сведомский еще раз наклонился к свечке. И еще раз, слово за словом прочитал чудесную бумажку, обещавшую свободу и жизнь, прочитал и вперил в Полю очарованный взгляд.

— Ну, здорово! — Он пришел в восхищение.— Как вы их добываете? Вот молодцы!

— Не все ли равно, как... Добываем.

— Любопытно все-таки... Ну, мо-молодцы! — Его трепала форменная лихорадка.

— Потерпи, когда-нибудь узнаешь... Ах, Женька, любимый мой! — Она была совершенно счастлива его бурным счастьем.

— А ты? — Он почувствовал себя благодарно обязанным ей.— Ты вместе со мной?..

— Я тоже уйду, не волнуйся,— сказала она.

— У тебя тоже есть пропуск?

Она лишь мгновение помедлила с ответом. А тут еще свечной огонек стал быстро уменьшаться, слабеть и погас, истаял серым дымком,— если б не луна, светившая в номер, настал бы полный мрак. И в этой лунной полутьме лицо Сведомского сделалось зеленовато-гипсовым, неживым. Поля безотчетно схватила его руку, холодную и влажную.

— Есть, есть! — воскликнула она.— У нас у всех есть... Во всяком случае, можешь обо мне не беспокоиться...

— Но почему?.. Я не понимаю, почему мы не можем уйти вместе? — выговорил он.

— Почему, почему... Меня оставили здесь для связи,— не задумываясь, сочинила она.

— Для какой связи?

— А это секрет. Я же тебе сказала: мы все сегодня ночью уйдем. Как и что, это тебя не касается... И мне поручили связь,— безоглядно придумывала она.

— Я все-таки ничего не понимаю...— Но в тоне Сведомского слышалась уже готовность поверить ей.— Ты говоришь правду?

— А я когда-нибудь врала тебе? — нимало не смутившись, сказала она.— Конечно, правда! И ты можешь быть совершенно спокоен... А главное — не оставайся в городе, уходи к нашим, за реку.

Он замолчал, все еще сомневаясь... Но ему слишком хотелось поверить Поле — нежданная возможность сейчас же вот вырваться отсюда, из этого смертного ужаса, будто ослепила его.

— Для связи...— повторил он.— И это так необходимо?

— Совершенно необходимо,— сказала Поля.

— Но ты тоже уйдешь? Жалко, что мы не уйдем вместе.

— Я тоже жалею, Женечка! — Поля успокоенно вздохнула: она боялась, что он заартачится и его придется долго уговаривать.— Что поделаешь, раз было решено, что сейчас уйдешь ты, а я должна еще немного остаться... Боевой приказ.

— Прости меня,— пылко повинился он.— Было такое свинство думать, что нас бросили... Ах, если бы ты знала, как я противен бываю сам себе... Всех подозреваю, всех ненавижу... Живу так, словно кожу с меня содрали.

— Ты очень изнервничался, ничего удивительного. Это пройдет,— сказала Поля.— Вот освободишься — все пройдет.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—6.

— Или грудь в крестах, или голова в кустах! — бодрясь, выкрикнул он.— Но ты... Мне все-таки беспокойно: как ты?

— Все будет хорошо, Женечка!

Поля обняла его и, встав на цыпочки, поцеловала в губы.

Он сильно прижал ее к себе, и они, обнимаясь и целуясь, останавливаясь на каждом шагу, толкаясь коленями, пошли к своей кушетке под картиной; там, не отрываясь друг от друга, они сели...

...— Что это у тебя? — спросил он, чтобы не молчать.

— Ах, это...— Поля сжимала в руке свернутую трубкой тетрадку Снегиря.— Меня попросили вынести... А теперь ты ее вынесешь. Нет, лучше я сама,— тут же перерешила она: Снегирь доверил свою тетрадку ей, и она не имела права передавать ее кому бы то ни было.— Я сама... Я, правда, сегодня уйду. Если что услышишь, когда будешь далеко уже, знай: это мы уходим. Мы громко уйдем... Боже, какие у тебя холодные руки!..Твои золотые, золотые руки! Дай их мне.

Она сунула тетрадку под мышку, взяла его пальцы в свои твердые, шершавые ладошки, принялась растирать. И они опять стали длинно целоваться,— впервые за все это время они остались в номере одни... Внизу, в вестибюле, вновь почему-то зашумели юнкера; сверху, с третьего этажа, куда ушел к разинцам Снегирь с ревкомовцами, доходил сюда гул голосов. И Поля, как ни рвалась ее душа к победе, подумала: «Подождали б еще немножко выступать, дали б побыть вдвоем...» И больше она ни к чему уже не прислушивалась. Но и чувствуя на лице ее чистое, теплое дыхание, обнимая ее, Сведомский ни на мгновение не переставал ловить все звуки — он боялся, что в последний момент что-нибудь помешает ему уйти. Прервать прощание он тоже не решался — это было бы очень уж неблагодарно... Вконец измучившись, он осторожно высвободился и сел прямо.

— Ты любишь меня... не забудешь? — слабым голосом выговорила Поля свой главный вопрос — этот вечный вопрос, и даже не вопрос, а вечную человеческую просьбу, как о пощаде.

— Ну, конечно, люблю,— сказал Сведомский.

Он встал, и с его губ неудержимо сорвалось:

— Где же этот солдат? Если идти, так идти.

Она тоже поднялась и поправила машинально волосы.

— Конечно, люблю... очень люблю,— повторил он, нервничая и едва владея собой.

Солдат появился только минут через десять, и об этих последних минутах Сведомский вспоминал потом с ужасом... Все слова были уже сказаны, и он простился уже с Полей, а она ждала еще чего-то от него. Убеждая самое себя, она время от времени повторяла: «Все будет хорошо! Все будет замечательно,— или опять спрашивала:—Ты не забудешь, любишь?» И он изо всех сил удерживался, чтобы не закричать: «Помолчи! Я же сказал, что люблю!»

Поля не совсем спокойно дожидалась прихода солдата: если б им оказался тот же самый, кто принес ей сегодня пропуск — Карнаухов, то и его пришлось бы обманывать. И она обрадовалась, когда другой, незнакомый ей солдат отпер двери и сперва заглянул в номер, а потом, втянув голову в плечи, сунулся через прихожую. От спешки и волнения он заикался, шаря взглядом по сторонам.

— Кто на в-выход? Д-давай живо!

И ежесекундно включал и выключал электрический фонарик. В белом луче мелькали куски стены, картины, портьеры, гипсовое лицо Сведомского...

— Р-ревком у разинцев... Снегирь речь д-держит...— отрывисто бросал солдат.— Д-дал бог ума человеку. Г-говорит — душа закипает...

— Можно уже идти? — выдавил из себя, задыхаясь, Сведомский.

— Карнаухов объяснял, что девка д-дожидается.— Солдат уставился на Полю.— Карнаухов с-сам на охране митинга...

— Нет, нет! — воскликнула она.— Сейчас пойдет этот товарищ. Вы, наверно, не поняли товарища Карнаухова. Женя, покажи свой пропуск.

В белом свете фонарика запрыгала бумажка пропуска; рука с обкусанными ногтями, державшая ее, вздрагивала.

Солдат колебался: узкий луч заметался по комнате и опять остановился на Поле.

— Карнаухов про д-девку объяснял,— повторил солдат.

А Сведомский как бы и не услышал этого... Лишь когда он был уже далеко отсюда, в безопасности, эта фраза дошла до его слуха, и он обеспокоился. Но что-то и тогда и впоследствии мешало ему всерьез над нею задуматься...

— Идите же, нельзя терять ни минуты! — прикрикнула на солдата Поля.

Ее голова была слегка откинута, как в беге.

— Аллах вас разберет... Пошли! — бросил солдат Сведомскому и выключил фонарик.

Будто ослепнув, выставив перед собой руку, Сведомский рванулся к выходу. Он плохо услышал и то, что прозвучало уже за его спиной, поспешное, как относимое ветром:

— Не забывай, Женечка!..

И только сейчас, спустя без малого полвека, внятно, оглушающе громко оно повторилось в его ушах:

— Не забывай, Женечка!

Солдат сунул Поле ключ от номера и вынырнул вслед за Сведомским в коридор.

— Выходить пока погодь, тут юнкерье шатается,— предупредил он.

Она постояла у закрытых дверей, прислушиваясь,— не было ни криков, ни выстрелов: все обошлось благополучно, они ушли.

И она проговорила вслух:

— Ну вот... слава богу, слава богу...

Очень довольная собой, своей хитростью, своей маленькой ложью, своим властным тоном, которому подчинился засомневавшийся солдат, Поля вернулась на их кушетку, села и поджала под себя, как любила, ноги.

На какое-то время она забылась в этих приятных размышлениях — все сложилось на редкость удачно... Правда, почувствовать полное удовлетворение помешала ей мысль о том, что, отдав свой пропуск Жене, она поступила наперекор партийному решению, нарушила дисциплину. Но затем ей представилось, как он — ее дорогой друг — идет свободный по пустынным, тихим улицам, как ему легко дышится и с какой, наверно, любовью он думает о ней, о своей Поле. И если даже он не совсем еще пришел в себя после всех тревог и опасений — он ведь слишком нервный! — он и она связаны уже друг с другом неразрывно и навсегда — навсегда!.. А товарищи по партии, конечно же, посочувствуют ей и простят...

Отдавшись этим мечтаниям, Поля незаметно для себя задремала — все-таки она сильно утомилась за последние дни.

Пробудил ее новый шум — большой, быстро растущий, подобный потоку, ворочающему камни,— топот многих ног, гул многих голосов:

— А-а... ура-а!

Сомнений не было: это Снегирь повел в атаку полк имени Степана Разина. Бойцы рушились сверху — пусть с немногими револьверами, с выломанными дубовыми ножками кресел, пусть с голыми руками — на юнкеров и казаков. Внизу ударили первые железные хлопки выстрелов.

Поля, еще сонная, соскочила с кушетки и огляделась, всовывая ноги в туфельки, схватила тетрадку Снегиря...

В опустевшем номере не было больше луны и уже брезжил рассвет: небо между штормами побледнело, и вновь зазолотилась рама «Святой Инесы». Поля помахала этой девушке рукой, как доброй приятельнице.

— Прощай, подружка! — крикнула она.

Прижимая к груди тетрадку Снегиря, она побежала.

В конце коридора, на лестничной площадке еще теснились разинцы, сбегавшие последними. А внизу уже ревела и выла рукопашная. В сизом дыму блистали и лязгали выстрелы.

— Товарищ Снегирь! — изо всех сил отчаянно позвала Поля и сама не услышала себя. На лестнице ее обдало пороховым жаром, запершило в горле, и она еще раз позвала:

— Товарищ Снегирь!.. Я с вами...

В тот же миг Поля почувствовала два сильных, один за другим, толчка в грудь, и еще успела удивиться...

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

1

Сведомский рассказывал беспорядочно, перескакивая с одного на другое, спохватываясь, повторяясь... Впервые он не искал смягчающих обстоятельств, как бы внушая и себе самому: «Да, таким я был, я сам вижу, что был нехорош, я не щажу себя...» И впервые в этой правде о себе он находил какое-то жгучее облегчение.

Колоколов, не перебивая, слушал. Ни словом не обмолвился он и после того, как Сведомский замолчал, глядя перед собой беспомощным взглядом. Многолетний, трудный поиск был наконец закончен — все выяснилось, все раскрылось, виновник самого большого несчастья в его жизни был изобличен. И именно в этот момент Колоколов не возжаждал возмездия, на которое имел как будто право. Другое, более сложное чувство заглушило в нем даже презрение к этому виновнику, пусть косвенному.

Уцелевшей рукой полковник машинально обдергивал за полу свой тщательно отутюженный китель с красными и желтыми полосками на груди — нашивками за ранения. Это было единственное движение в его прямой — аршин проглотил — тощей фигуре, одеревеневшей в кресле. И его протез с полуоткрытой ладонью, лежавший на столе, все так же учтиво что-то предлагал: «Прошу...»

«Она пожертвовала собой ради этого человека... Почему?» — спрашивал себя мысленно полковник. И упорно вглядывался в чужого, покрывшегося испариной, униженного старика в кресле напротив. «Конечно, он был тогда не такой, как теперь,— он был молод, красиво играл...— ответил себе Колоколов.— Она пожалела и полюбила его... Полюбила так, как только одна она могла...»

И не обида и не гнев, а признательное чувство охватило полковника.

Давно уже почти семидесятилетний Колоколов оплакал раннюю смерть Полины Короленко, соседской девочки, подружки детства, и его живая боль давно угасла. Но с годами воспоминание об этой девочке преобразилось в воспоминание о самой юности, полной прелести чистейших надежд и великодушных намерений. И как образ высшего совершенства, как бесценное доказательство возможности такого совершенства на нашей земле осталось оно у Колоколова непомеркшим... Сам полковник считал себя неромантической личностью: в свое время он, как все, женился и прожил с женой полтора десятка лет в согласии, пока не овдовел; и на военной службе ничем исключительным не выделялся, был, как все. Но девочка в грубых башмачках так и не покинула его, а возносилась в его воспоминании все выше, становилась все прекраснее. И сейчас он испытал не ревность, а чувство, близкое к восторженной благодарности. Он еще раз увидел и узнал свою Полю!..

Их — Колоколова и Сведомского — молчание затягивалось, и Сведомский первый не выдержал... Во всем мире не было, наверно, другого человека, подумалось ему, который осуждал бы его так, как этот ночной гость. Сведомский пошевелился в кресле и, не в силах выпрямиться, вытянул вперед голову на тонкой шее...

— Не украл же я этот пропуск,— жалобно проговорил он,— мне Поля сама... Она упрашивала меня... Что вы молчите?..

Колоколов не ответил, на его темном, посеченном морщинами лице было задумчиво-непроницаемое выражение.

— И она спасала не меня... то есть меня, конечно... Я хочу сказать: она безгранично верила в меня, в мой талант... Она спасала искусство...

Сведомский стал путаться. «Зачем я про искусство?! Как не к месту!..» — спохватился он.

Колоколов неопределенно качнул головой, не вникая в эти бесполезные оправдания. Он рывком встал, снял с шишечки на спинке кресла свою фуражку, низко надвинул ее на лоб и пошел к выходу; у дверей он обернулся и козырнул.

— Прошу прощения! — отчеканил он.— Желаю здравствовать!

— Спасибо! Не крал я... Не вымогал... Куда же вы? До свидания!..— сбивчиво прокричал в спину ему Сведомский.

Створки дверей сомкнулись, шаги Колоколова быстро затихли, и Сведомского поразила тишина: здесь, в «Пальмире», и за окнами на площади, в городе, и будто на всей планете!.. Испуганный внезапной тишиной, он, схватившись за подлокотники, поднялся... От мысли, что ему предстоит остаток ночи провести в этом номере, Сведомский застонал. И, косясь по сторонам, медленно двинулся вдоль стен, обогнул рояль, диван, заглянул за остекленную горку с фарфором,— он не был уверен, что из углов не следят за ним невидимые глаза.

Так он добрался до раскрытого окна и сквозь путаницу тополиных веток увидел внизу, на площади, уходившего Колоколова... Тот пересекал на своих журавлиных ногах эту асфальтовую пустыню; милиционер, прохаживавшийся на противоположной стороне, отдал ему честь, Колоколов ответил и, сделав еще несколько длинных шагов, скрылся за углом аптеки в переулке. Сведомскому захотелось крикнуть: «Вернитесь! Мы же не договорили... Вы не поняли меня!»

...Трамваи уже не ходили, и Колоколов отправился домой пешком, неблизкой дорогой... Теперь он испытывал недовольство собой. Еще в вестибюле гостиницы, где в разных местах — над окошком администратора, на застекленных дверях в ресторан, на киоске «Союзпечати» — висели афиши, извещавшие о концертах Сведомского, его забрала мысль, что Сведомский и вправду, может быть, не так уж виноват. Артист и вправду был, как видно, замечательно талантливым — так считала и Поля, а это имело решающее значение: она не могла ошибиться. В самом понятии таланта заключалось для Колоколова что-то таинственно-могущественное; себя он, во всяком случае, не ставил даже близко к счастливым баловням природы. Но это не было смирением, но в этом сказывалась его привычная добросовестность. И то, что Поля отдала свою любовь Сведомскому, казалось теперь ему подтверждением неотвратимого, а случается, и опасного для обыкновенных людей всесилия таланта. «Что тут поделаешь, раз она полюбила его... А как ей было не полюбить?.. Талант, талант»,— бормотал отставной полковник, меряя своими саженными шагами дощатые тротуары окраинных улочек.

Было уже недалеко до рассвета, и в темной глубине тесных дворов перекликались невидимые петухи, поднимая утреннюю тревогу; в небе неуловимо исчезали звезды. Кое-где в окошках деревянных домишек с мезонинами, с палисадниками, с запыленным кустом сирени у калитки затеплился желтый свет — хозяйки принимались готовить завтрак. А может быть, мать встала к заплакавшему ребенку или у кого-то на исходе ночи заболело сердце... Вскорости на улицах должны были появиться вереницы одинаково торопливых людей в будничном платье, начинающих свой новый день.

2

Как ни странно, Сведомский после ухода Колоколова быстро уснул и спал беспробудно до позднего утра. Но утром он почувствовал себя совсем больным, к нему даже вызвали врача. И репетицию и концерт, назначенный на вечер, пришлось перенести, а желающим были возвращены деньги, уплаченные за билеты; желающих оказалось немного.

Первый здесь концерт Сведомского состоялся лишь через два дня и прошел очень неудачно. Вообще-то пианисту дружно аплодировали, его дружно вызывали, что было не удивительно — торжествовало его давнее признание. Однако рецензия в местной газете, подписанная незнакомыми Сведомскому инициалами «Н. М.», озадачила многих его слушателей — она была скорее отрицательной, недоуменно-огорченной. И это не вызвало удивления лишь у истинных знатоков да у самого пианиста — Сведомский сознавал, что ему нечего возразить.

Дело было не только в том, что, исполняя даже многократно игранные вещи, он допустил кое-где технические неточности, почти незаметные ошибки. Странным образом самая необходимость «выйти на люди» устрашила Сведомского, он необычайно разволновался. И если давным-давно, в начале его счастливого пути, а потом в пору успехов это предконцертное волнение лишь способствовало его успехам, и в больших залах, перед тысячами слушателей он играл лучше, чем на репетициях, ныне ему очень не захотелось играть. А вынужденный сесть к роялю, он словно бы перестал «видеть» то, что он извлекал из инструмента,— чувствовать, воображать. Весь его огромный опыт, выученность репертуара, некий автоматизм виртуозности оставались, разумеется, с ним. Но в этой музыке не было главного — содержания. Во втором отделении концерта едва не случилась настоящая беда: он забыл — забыл! — начало пьесы, паралич поразил его память, и он, как ни напрягался, не мог пробиться сквозь тот белый, плотный туман, в который превратился его мозг,— это была катастрофа. В зале будто ветер зашумел по рядам — люди стали перешептываться, приподниматься, кто-то надрывно раскашлялся. А Сведомский все сидел в оцепенении перед оскалившимся инструментом, не в состоянии ни шевельнуться, ни встать и уйти.

Невесть как, в последнюю секунду, его руки без приказа самостоятельно потянулись к клавиатуре, пальцы взяли начальные ноты, и он сразу вспомнил продолжение. Но до конца концерта он так и не сумел вполне сосредоточиться на своей игре, обмирая при мысли, что забудет еще какой-нибудь кусок.

Дирижеру оркестра — старому приятелю, с которым он не раз уже выступал, он попытался объяснить незадачу тем, что в зале стояла духота; пожаловался он и на то, что у рояля оказалась «тугая» клавиатура и «пустые», «сухие» басы. А у дирижера и у администратора Бориса Владимировича, сочувственно кивавших ему, было на лицах такое выражение, точно они слушали больного, пытавшегося уверить их в своем здоровье.

На последовавших двух концертах ничего чрезвычайного не произошло, и Борис Владимирович телеграфировал в Москву о большом успехе гастролей. Но Сведомский чувствовал себя как бы тяжело обиженным — он нуждался в реабилитации. И сверх запланированных концертов он дал еще один, в котором повторил программу первого, неудачного концерта. Он снова играл Чайковского, Шопена, Рахманинова, и странное обстоятельство, а точнее сказать, смутное ощущение помогло ему на этот раз. Ему помстилось, что где-то в задних рядах кресел, в тихо дышавшей полутьме зала, его опять слушает Поля. И он вновь обращался к ней — рассказывал о себе, признавался и каялся...

3

Накануне отъезда Сведомский согласился встретиться с журналистами — Борис Владимирович добился-таки этого.

Встреча произошла в вестибюле гостиницы, где собралось довольно много народа — пришли не только газетчики и кинохроникеры, но и работники отдела культуры облисполкома, филармонии и просто поклонники, проведавшие об этой встрече. Сведомский держался скованно, холодновато: преувеличенное внимание тяготило его. Все же, к большому удовольствию собравшихся, ему не удалось уйти от рассказа о своем «старте», как выражался в памятный вечер Колоколов,— о том, что он, Сведомский, действительно здесь, в этом городе родился и рос, что играл здесь в ресторанном оркестрике, что именно в этих стенах, в гостинице «Пальмира», его держали пленником эсеровские мятежники. Сведомский старался говорить как можно короче и выбирал самые общие выражения.

К концу беседы он несколько оживился. Отвечая на вопрос, заданный одним из почитателей — молодым человеком в сильно поношенном, тесном костюме и в невыносимо пестром розово-зеленом галстуке,— он сказал:

— Вас интересует, что главное для пианиста. Конечно, надо играть очень много и каждый день. Это общеизвестно, и не это, по-видимому, главное... А главное...

Сведомский замолчал, затрудняясь выговорить то, что с таким опозданием открылось ему самому... Ведь недавно еще он твердо стоял на том, что своим искусным умением, своей славой он обязан одному себе — своему дару и своему бесконечному труду. А вышло, что ничего он не добился бы, если б его не любили и не защищали,— его жизнь была оплачена другой жизнью!.. Но как он мог вслух в этом признаться?!

— Главное, главное...— повторил он...— О главном хорошо сказал Николай Заболоцкий, этот прекрасный поэт... Его стихи следовало бы напечатать золотыми буквами и вместе с дипломом вручать всем кончающим консерваторию... и любое художественное училище:

...Не позволяй душе лениться,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Вот так, мне кажется.

Молодой человек, задавший вопрос, солидно кивнул, демонстрируя свое полное согласие, и огляделся невидящими глазами,— честно говоря, он плохо уразумел, что имел в виду его знаменитый собеседник.

— Принято называть пианиста исполнителем, как и скрипача, как виолончелиста, флейтиста...— продолжал Сведомский.— Мне кажется, тут неточность, хотя, бесспорно, мы все исполнители. Но будем надеяться — не просто исполнители...

— Совершенно верно! — чересчур громко подтвердил юноша и покраснел, сам он играл между сеансами в оркестрике соседнего кинотеатра.

— Часто еще говорят: интерпретатор,— уверенным голосом вступил в разговор человек с внешностью стареющего спортсмена — седой и красновато-загорелый (он отрекомендовался заведующим отделом областной газеты).— На театре случается, что интерпретируют Шекспира. И это то же самое, что интерпретировать солнце! Более чем достаточно, если актер возвысится до Шекспира! И мне думается, что музыкант-исполнитель, если это истинный художник, не может не стремиться к тому, чтобы стать соавтором. Да, представьте, соавтором Бетховена или Чайковского. С драматургическим произведением дело обстоит иначе — с ним вы можете познакомиться и без посредничества актера, вы можете прочитать пьесу у себя дома. А музыка только тогда вполне музыка, когда она звучит. И вполне насладиться ею мы можем только в исполнении соавтора... Что и происходило, когда мы слушали нашего гостя...

Это было сказано изысканно: товарищ из газеты хотел, видимо, поправить рецензию,— но Сведомский досадливо повертел головой...

Маленький, на витых ножках, инкрустированный перламутром столик, за который усадили Сведомского, стоял так, что солнце падало прямо на него; хрустальная пепельница на столике, пронизанная солнечными лучами, излучала радужное сияние. И Сведомский отворачивался, пытаясь сесть так, чтобы уйти от пылавшего перед ним семицветного огня.

— ...Все великое искусство было тенденциозным.— Любитель музыки из редакции газеты увлекся и продолжал: — Тенденциозен Андрей Рублев, и тенденциозно «Слово о полку Игореве», тенденциозны Данте и Бетховен со своей верой в освобождение человека, тенденциозны Гюго, Толстой, Достоевский — эти великие человеколюбцы. Все самое большое, что создано ими, тенденциозно. Все продиктовано сочувствием к человеку, который смертен, и заботой о человечестве, которое бессмертно... И поверьте мне, молодой товарищ,— газетчик обратился к юноше в тесном костюме,— само лишь приближение к этим гигантам — к Бетховену, к Чайковскому, к Моцарту, к Гайдну, сама попытка соучастия в их труде, соавторство с ними уже удваивают силы. Не интерпретация и не трактовка — так тоже говорят,— не трактовка, а постижение — вот истинный путь для музыканта-исполнителя. Мне думается, это подтвердит вам и наш гость.

Товарищ говорил слишком уж гладко, слишком уверенно улыбался, и Сведомский почувствовал раздражение.

— Никогда не играйте плохой музыки, ее невозможно хорошо сыграть,— сказал он.

Юноша из кинотеатра кивал, поддерживая, как равный, общую беседу. Щеки его пунцовели, и в мыслях было: «Ну, а как и что играть мне в нашем фойе, если публика топает, шаркает, разговаривает, жует бутерброды, пьет пиво во время исполнения?» Он отчаянно завидовал Сведомскому, этой гастролирующей знаменитости, которая может играть что хочет, как хочет, и он мысленно давал себе клятву добиться таких же возможностей... Мировая слава была совсем близко, сидела, облаченная в дорогой, хотя и не новый костюм, беспокойно вертелась на стуле, и, чтобы ее коснуться, надо было только протянуть руку.

Затем Сведомскому был задан традиционный вопрос о творческих планах, и Борис Владимирович, сидевший тут же, замер в ожидании ответа: разговоров о поездке на Дальний Восток у них больше не было, и пока что они возвращались в Москву... Сведомский с заметной неохотой, поколебавшись, ответил, что он вообще остерегается говорить о планах на будущее и что предпочитает их выполнять.

Когда все уже разошлись после взаимных благодарностей и Сведомский направился к лестнице, чтобы подняться к себе в номер, навстречу ему из дальнего угла вестибюля вышел не замеченный до сей минуты Колоколов.

Нельзя сказать, что Сведомский обрадовался этому посетителю, но, одолев мгновенное затруднение, он ускорил шаг навстречу. Однако же протянуть руку Колоколову он в последнюю минуту поостерегся.

— Вы... вы ко мне? — осторожно спросил он.

— К вам — по личному делу,— вполголоса, чтобы не привлекать внимания, проговорил Колоколов.

Он был в том же лоснящемся кителе, со всеми колодками орденов и медалей, с нашивками за ранения, в старательно начищенных сапогах с загибавшимися кверху носками — официальный, почти торжественный,— с темным лицом, перечеркнутым торчащими в обе стороны, тонко закрученными, седыми усами.

— Хорошо... очень хорошо, что пришли,— заспешил Сведомский,— мы завтра уезжаем... да, наверно. Гастроли окончены.

— Нам было бы лучше уединиться, если вы не возражаете,— сказал Колоколов.— Прошу, Евгений Александрович, в сад!

Садом, еще со времен «Пальмиры», называли здесь внутренний дворик, хотя доживали свой век там только четыре старые яблоньки да единственная полузасохшая слива; под яблоньками стояла голубая дощатая скамейка; глухая кирпичная стена сарая замыкала дворик. А пройти в него можно было прямо из вестибюля, через остекленные, распахнутые сейчас двери... Тень от здания гостиницы покрывала и яблоньки и почти весь поросший

травой, зеленый прямоугольник этого оазиса, и свежей, озерной прохладой веяло оттуда в прогретое солнцем помещение.

Возле скамейки Колоколов остановился и, не садясь и не приглашая сесть, объявил:

— Я еще раз побеспокоил вас, Евгений Александрович, чтобы принести свои извинения... Глубоко сожалею.

— Вы?.. Извинения?..— Сведомский изумился.

— Так точно. Могло сложиться неправильное впечатление, что я именно вас, Евгений Александрович, посчитал виновником этой безвременной гибели Полины Короленко. Глубоко сожалею.

Колоколов проговорил все единым духом, заранее приготовившись к трудному объяснению. И, замолчав, он утратил на мгновение контроль над собой: морщины на его сухом, опаленном лице дрогнули, сломались, выражая грустную виноватость.

— Да что вы, что вы!.. Боже мой!..— воскликнул Сведомский, ожидавший совсем обратного.— Я понимаю, что ваше отношение к Поле... что будто я...

— Ни в малой мере...— сказал Колоколов.— По зрелом размышлении я пришел к выводу, что Полине нельзя было не подчиниться. Это был подвиг, подвиг ее большого сердца. А на вас вины нет.

— Спасибо...— Застигнутый врасплох, Сведомский даже поблагодарил Колоколова.

А потом они сидели вдвоем на скамейке, и полковник рассказывал:

— ...Я опоздал часов на шесть, на семь. Когда я вернулся из штаба, вот в такой же ясный день, поутру, я нашел их здесь в саду, сюда снесли все трупы — их было тринадцать. Здесь лежал и Снегирь — с пробитой головой, со своей золотой головой... с пробитой!

— Поля тоже... здесь? — выговорил с запинкой Сведомский.

— Да, здесь, под той вот яблонькой, на траве... Коленки у нее открылись, я прикрыл...

— О господи! — пробормотал Сведомский.

— Я прикрыл,— повторил, точно успокаивая, Колоколов.

Он достал пачку «Беломора» и, забыв закурить, сунул ее обратно в карман.

— А в руке она держала тетрадку,— сказал он.

— Тетрадку? Какую?

— Обыкновенную, ученическую, на обложке портрет Лермонтова.

— Ах... да, да...— Сведомский вспомнил.

— Вы знаете эту тетрадку?..

— О господи! — вместо ответа пробормотал Сведомский.

— Я вынул тетрадку из ее руки. Пальчики согнутые остались, она была уже вся как меловая,— проговорил отчетливо Колоколов.— Лицо было чистое и тоже меловое.

— Не надо, это все страшно...— пробормотал Сведомский.

— Она лежала вот здесь — на траве, совсем близко.

И они оба посмотрели туда, где у яблоневого побеленного ствола слегка волновалась под ветерком высокая сочно-зеленая трава. Кое-где из ее некошеной тесноты высовывались бледно-сиреневые шарики клевера. Покружилась, жужжа, и села на цветок пчела, сложив слюдяные крылышки.

— В тетрадке оказались одни какие-то задачки, но я ее взял,— продолжал Колоколов,— я прочел в ней, что это тетрадка Снегиря, и я отнес ее по адресу. Но это было уже после гражданской, когда я в Москве учился. Я даже благодарность получил из Академии наук за эти задачки Снегиря, чего, по правде, не ожидал. А тогда я с Карнауховым ускакал из города, порыскал в степи и в тот же день сдался разъезду красных.

Он опять поглядел на траву под яблоней; пчела хлопотливо ползала там по цветку клевера... Колоколов подумал и, взвешивая каждое слово, серьезно сказал:

— Меня повела она, Поленька! Я жаждал тогда одного: отомстить за ее гибель. И красные мне поверили — мне вернули оружие.

— Оружие... завидую вам,— сказал Сведомский.

— Не могу не заметить, что все, чему я был свидетелем здесь, в городе, радикально излечило меня от эсеровской болезни. Моя последующая служба в Красной Армии была, смею сказать, искуплением.

— А я вот... Со мной было все, как она предсказывала,— словно пожаловался Сведомский.— Мне дали путевку в консерваторию, в Москву, меня командировали за границу...

После паузы он добавил:

— Я, конечно, искал Полю, когда белых выкинули, но в город я смог вернуться не скоро, заболел тифом, долго лежал. А когда вернулся, никого из старого ревкома я уже не нашел. Гимназия, в которой был госпиталь, тоже опустела... Позднее кто-то мне сказал, что медсестра Короленко ушла с нашими частями на фронт. И я поверил... потому что мне очень хотелось поверить. А потом подоспела эта путевка, и я... я уехал... Не судите меня слишком строго...

— Поленька, Снегирь, все они...—заговорил, отвечая на свои мысли, Колоколов.— Учтите, что двести пятьдесят человек вырвались тогда из «Пальмиры» и с боем ушли — двести пятьдесят красных бойцов. Кто их вывел? Он, Снегирь, большевик, председатель ревкома, золотая голова! Наши немногие встречи с ним — драгоценное воспоминание моей жизни. А вас Поленька вывела... Вот и считайте и делайте выводы... Мы говорим: «Вечная память». Но память-то у нас, у людей, слабая: забываем имена, лица, миллионы имен. Мы вот с вами помрем — кто о Поленьке вспомнит? Что ж это такое — вечная память? И я считаю так: это память о своих долгах. А умирать — умирать всем несладко...

Пчела посучила ножками, снялась с цветка и полетела, полого набирая высоту. В какой-то момент она попала в солнечный луч и вся мгновенно засветилась, сама превратившись в летящий цветок.

— Тысячи их — я повидал — падали в бою «за други своя»,— сказал Колоколов; он встал и вытянулся.— А могилы Поленьки и я не нашел. Белые их всех где-то за городом в одной яме... Теперь им у нас памятник стоит... Честь имею!

— Как же мне теперь быть?..— Сведомский торопливо поднялся.— Вы не можете так уйти...

— Как вам быть?..— Колоколов искренне подивился.— А вам — играть! Вам и Поленька велела бы... Играть, играть! А как же иначе?

4

Неожиданная, напоминавшая давние консерваторские годы жизнь, когда на сон оставалось три-четыре часа в сутки, когда и на скупой обед порой не хватало времени, а все другие житейские обстоятельства имели ничтожное значение, наступила теперь для Сведомского.

Он редко выходил из своего номера, иногда по вечерам прогуливался по городу, мало кого принимал у себя, только немногих местных музыкантов; он не уехал, как предполагал еще в день своей пресс-конференции, остался в городе — остался из суеверной боязни, как бы не нарушилось, не ослабело то особое, неспокойное состояние, что вернулось к нему здесь... Это было совсем как в те далекие годы, когда он писал музыку. Сведомский и томился, как некогда, и был, однако, совсем не уверен, способен ли он еще писать... Казалось, стоит ему только покинуть эти стены, как тревожная полнота чувств, искавшая выхода, эта странная, желанная несвобода сразу же прекратится, исчезнет. И Сведомский остался, чтобы попытаться снова писать...

Про себя он назвал свой новый концерт для фортепьяно с оркестром «Вечером воспоминаний» — это говорило ему о многом. Необходимо было наконец впрямую, не отвращая глаз от своих язв, объясниться с самим собой. Ну, а те, кто, может быть, услышит его музыку — только бы достало силы закончить этот «Вечер воспоминаний»! — почувствуют, пусть в десятую долю, то же, что испытывал сейчас он... У каждого найдутся, конечно, свои причины для горестного раскаяния, свои ошибки, слабости, грехи... И едва ли не все живые были повинны уже в том одном, что они радуются жизни: любят, празднуют праздники, растят детей, создают искусство, науку, а тех, кому они задолжали, кому всем обязаны, уже нет, невозвратимо нет! Как ни возвышай свой голос, хоть изойди в крике, твои вечные кредиторы не отзовутся. И музыка пробудилась в Сведомском как желание вернуть то, что миновало, и в миновавшем исправить то, что мучило и сегодня,— исправить себя! А тому, что в прошлом было высокого и прекрасного, дать некончающуюся жизнь.

Почему-то среди образов «Вечера воспоминаний» мелькала и крохотная золоченая пчела, светящаяся в солнечном луче, в чистом, без единого облачка небе.

...Еще в течение нескольких дней к Сведомскому являлся Борис Владимирович, спрашивал о здоровье и приносил корреспонденцию. Разговоров о сроках возвращения в Москву, как и о других намерениях Сведомского, он не заводил, а к возобновившемуся сочинительству давно умолкшего композитора отнесся хотя и с любопытством, но недоверчиво — в этом направлении он уже немногого от него ждал. Не с большей верой он отнесся бы к известию о том, что Евгений Александрович собирается оставить семью и вновь жениться...

Борис Владимирович даже рискнул в добрую минуту поострить на эту тему с самим Сведомским. И пожалел о своей смелости — Сведомский не принял шутки,— можно было подумать, что он услышал в ней намек на некое действительное обручение. Что-то важное, скрытое от окружающих, происходило в нем, и кто мог знать, чем оно завершится? Во всяком случае, следовало предпочесть бдительное выжидание: житейский опыт предписывал Борису Владимировичу не спешить с выводами. Вскоре он отбыл в Москву...

Несколько раз по вечерам к Сведомскому, по его настоятельным просьбам, наведывался Колоколов. Сведомский заказывал коньяк и кофе, и они усаживались перед раскрытым на площадь окном, в котором шелестели облитые электрическим светом тополиные кроны. Разговор, медленный, с длинными паузами, шел о погоде, замечательно доброй к людям в это лето, ясной, тихой, с благодатными редкими ливнями, о газетных новостях, о местных происшествиях, о спорте — Колоколов оказался знатоком бокса. И они совсем нечасто в эти вечера вспоминали вслух о давних событиях в «Пальмире», не потому нечасто, что обо всем главном было уже переговорено, а потому, что о главном им легче было вместе молчать, чем говорить.

Иногда лишь в их долгих безмолвных диалогах обретало звук несколько слов о Поле; однажды, в особенно теплый вечер, Колоколов заметил:

— Она зиму больше любила... коньки, саночки. В шапочке в беличьей бегала... разрумянится, как яблочко.

Сведомский отозвался:

— А я ее в солдатской папахе помню... Со звездой. Была еще у нее курточка на козьем меху...

Он разлил по рюмкам коньяк, они в молчании выпили, и Колоколов сказал:

— По утрам прохладно уже... В тот год в сентябре заморозки уже случались.

И они опять надолго замолчали.

А после того, как Колоколов простился и ушел, у Сведомского осталось такое чувство, что и в этот вечер они много и хорошо поговорили о ней — о Полине Короленко. Он сел к роялю, встал, прошелся, опять сел, и его узкое лицо с острыми чертами сделалось некрасиво раздраженным, как бывало у него во время работы.

Почти ежедневно Сведомскому звонила из Москвы жена, и ему стоило немалого труда успокоить ее и уговорить не приезжать сюда. Может быть, последнее и не удалось бы ему, если б не то, что в Москве шли приготовления к свадьбе их дочери; свадьба откладывалась только из-за его отсутствия. И ее пришлось еще отложить, так как в начале сентября, прервав работу над Концертом для фортепьяно с оркестром — уж очень трудно она давалась,— Сведомский отправился на гастроли на Дальний Восток...

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Победила дружба

Новый сотрудник Жданкин никому в отделе не понравился.

— Слишком много он о себе понимает,— уязвленно говорила Тихомирова, поправляя прическу.— Даже ни на кого не желает смотреть! Невоспитанность свою показывает...

— Да,— поддержал ее Истопин,— насчет невоспитанности — это точно! Хотел одолжить у него рубль до получки, так не дал, невежа!

— А меня он попросил не курить в комнате! — возмутилась Зубокарева.— Нет, вы подумайте, какое хамство! Он, видите ли, не выносит табачного дыма...

— Гнать таких надо в шею! — сказал Помолчук.— А еще называется старший инженер!

Сослуживцы решили объявить Жданкину бойкот и разошлись по домам. А через два дня, придя утром на работу, Тихомирова взволнованно сообщила:

— Вчера вечером Жданкина увезла «Скорая помощь»! Своими глазами видела!

— Да что вы?! — ахнул Истопин.

— Это Зубокарева его довела своим табачищем,— покачал головой Помолчук.

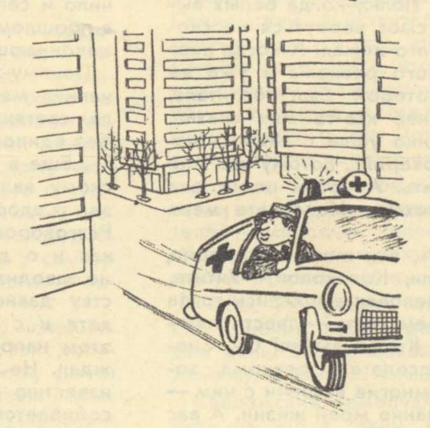
— Я?! — подскочила Зубокарева.— Да мой стол в другом углу стоит! И потом, я дым всегда в форточку пускаю. Вы лучше спросите у Тихомировой, кто Жданкину шпильки подпускал. От таких колкостей с каждым инфаркт может случиться...

— И ничего такого я ему не говорила! — затараторила Тихомирова.— Это Истопин у него деньги вымогал...

— Так он мне все равно не дал,— пожал плечами Истопин.— Чем же я его мог расстроить? Вот Помолчук предлагал его в шею гнать. От этого быстрее можно расстроиться...

— Я же в шутку предлагал,— возразил Помолчук.

В этот момент в комнату вошел Жданкин. Все дружно заохали и бросились к нему.

— Что с вами?!

— Вам стало легче, да?

— Мы так волновались...

— Вам было плохо? — сочувственно спросила Тихомирова.— Вы и сейчас еще бледный...

— Да нет, ничего, ничего,— смутился Жданкин.— Просто так сложились обстоятельства...

— Зачем же вы пришли сегодня на работу? — укоризненно спросила Зубокарева.— Оставались бы дома...

— Нет, что вы,— застенчиво потупился Жданкин.— Как же я мог не прийти? Это мой долг...

Все еще минут десять поговорили о болезнях и разошлись по своим местам, но до конца дня сослуживцы были со Жданкиным крайне предупредительны и любезны.

А на следующее утро Тихомирова снова взбудоражила весь отдел:

— Ну, каков наш хлюст? Все притворялся больным, а сам хорошим гусем оказался!

— Что такое? — разом загалдели все.— Что случилось?

— А то! — торжествующе сказала Тихомирова.— Вашего Жданкина вчера забрала милицейская машина!

— Как забрала? — не понял Помолчук.

— Очень просто! Приехали за ним, посадили в машину и увезли.

— Я так и знал, что он аферист! — воскликнул Истопин.— Я сразу понял его, еще когда он мне рубль не дал! Честный человек так не поступит.

— А мне с первого же дня подозрительным показалось, что он дыма не выносит,— вмешалась Зубокарева.— Наверно, он какой-нибудь наркоман...

— И взгляд у него был вороватый,— вспомнила Тихомирова.— Потому он и смотреть на всех боялся!

— Я давно говорил, что надо гнать его в шею! — заключил Помолчук.— Не послушали меня, и вот дождались...

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг осекся, увидев входящего Жданкина.

— Как? — опешил Истопин.— Вы здесь?

— Да,— удивился Жданкин.— А где же мне быть?

— Но вас же вчера увезла милицейская машина,— пробормотала Тихомирова.

— Вышло недоразумение,— виновато улыбнулся Жданкин.— Обычно мой брат отвозит меня с работы домой на «Скорой помощи». А тут брата, как опытного водителя, попросили на денек заменить в милиции заболевшего шофера.

— И все? — разочарованно произнесла Зубокарева.

— Все,— подтвердил Жданкин.

— А сегодня ваш брат на чем за вами приедет? — спросила Тихомирова.

— На своем постоянном транспорте, на «Скорой»...

— Скажите, а он не мог бы и меня домой подбросить? Это совсем недалеко...

— И меня,— попросил Помолчук.— Я к вам всегда хорошо относился...

— Неправда, я лучше,— сказал Истопин.— И я ближе вас живу.

— Мы все вас очень уважаем,— заметила Зубокарева.— А я лично больше всех!

— Какой у вас прекрасный, дружный коллектив! — растроганно произнес Жданкин.— Я рад, что попал к вам! Думаю, мы сработаемся...

И все, приветливо улыбаясь, разошлись по своим рабочим местам.

Борис ЛАСКИН

Будет сделано

Я вам так скажу, я вам скажу так. Бывают такие люди, знаете, наобещают семь коробов, а как до дела дойдет — ну-ку, ищи их, где они есть. Это я почему говорю, а потому, что вызвал меня Каталкин, начальник ЖЭКа, и прямо с ходу заявляет: «В доме семь нужно срочно привести в порядок кровлю. Вы это знаете?» Я говорю: «Все ясно. Будет сделано».

Я это давно знаю. И не только это. Я, между прочим, книги читаю по разным вопросам.

Между прочим, в Англии, чтоб газон был ровный, его садовник в обязательном порядке каждый день подстригает, утром и вечером. И так без выходных сто пятьдесят лет. Стрижет лично сам, никому не доверяет. Сам начал и сам кончил. Главное что? Человек чувствует ответственность за свой участок.

Я почему это говорю? Раз мне дали задание, значит, я его рано или поздно доведу до победного конца.

Я где-то прочитал, что в какой-то стране живет такое племя, которое мясо совершенно не потребляет и молока не пьет — такая у них страшенная жара стоит. Они кушают одни только бананы и соленую рыбу. Какое ж надо терпение иметь, чтоб одно и то же слушать: «Дождь пойдет, что с жильцами будет?» А что будет? Ничего не будет.

Вот, к слову сказать, я тут читал, что один спортсмен на мотоцикле через пропасть маханул и живой остался. Раз он такой смелый, он дождя не побоится, он не будет почем зря писать жалобы в РЖУ. Потому что он человек и звучит гордо.

Конечно, другой возьмет в руку шарик и пойдет строчить, пока паста не кончится. Раньше какие были перья? Гусиные. Это сколько же надо было сгубить гусей, чтобы написать что-нибудь толковое? Сегодня гусь должен шарику спасибо сказать. Шарик стоит всего тридцать пять копеек. Могу я гуся купить за такую сумму? Нет. Так что сперва надо подумать, а уж потом заявлять на собрании, что отдельные товарищи у нас в дружбе с бутылкой.

Я про себя скажу. Первое дело — я должен осмотреть фронт работ и на чердаке и на крыше, так? А на крышу имеет право взойти не каждый работник, а исключительно тот, который в свежем виде. А если он не в порядке, он может получить травму на производстве. Я такую книгу читал — «Западня». Автор Золя. Что он говорит? Золя говорит: если кровельщик хотя б вот столечко принял — все. Сиди дома.

Я так считаю: дал обещание, значит, надо выполнять. Вы такой стих случайно не знаете? Он от лица мужчины идет. Тот говорит женщине, с которой встречается: «Говорю я негромко в любовном бреду — я тебе подарю голубую звезду».

Хорош, да? Он ей голубую звезду дарит. Наш сантехник у академика на квартире прокладки менял. Так академик ему лично сообщил, сколько до самой ближней звезды лететь надо. Вылетишь молодой и до самой пенсии в дороге будешь. Так что одно дело — обещать, а другое — выполнять.

Знаете, какая на сегодняшний день скорость света? Я скажу, только между нами. Триста тысяч в секунду. Это уже точно. Так скоро кровлю чинить нельзя. Человек это не может.

А Каталкин мне говорит: «Надо срочно».

У меня от таких слов просто-таки нервы отказывают.

Я бы сейчас домой пошел, там бы маленько успокоился, но не могу я домой идти. У меня с женой нет мирного сосуществования. Вы мне выдайте временно аванс в сумме один рубль восемьдесят шесть.

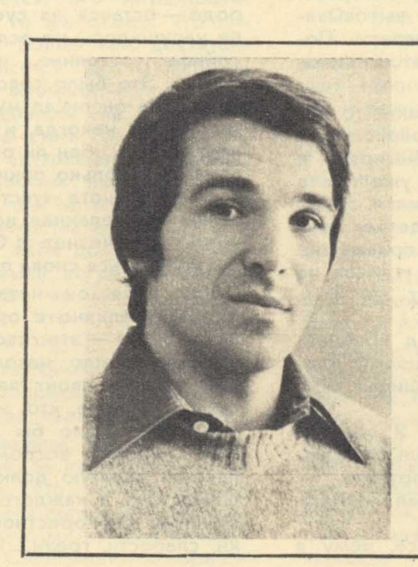
Вы, конечно, можете спросить, для чего мне именно такая сумма. Я скажу. Пойду в писчебумажный, куплю шарик и две запаски и тут же напишу докладную лично начальнику ЖЭКа товарищу Каталкину. Напишу все как есть в точности по всем вопросам, чтоб народ был полностью в курсе дела.

А насчет кровли, то с понедельника или, нет, со вторника прямо начну. С утра. До одиннадцати. Или в крайнем случае после семи.

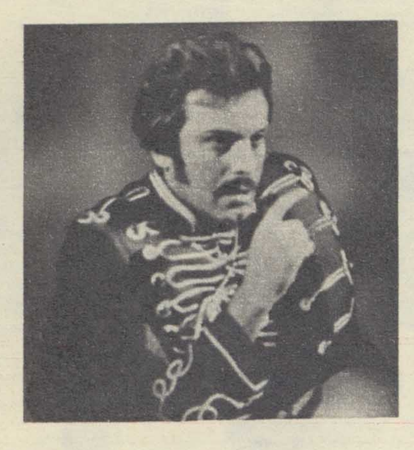
Это уже точно.

Более-менее.

КУБОК «ОГОНЬКА»

30 января в гостях у огоньковцев побывал лучший вратарь 1975 года Александр Прохоров («Спартак»). Уже второй год подряд Кубок «Огонька» лучшему вратарю сезона вручается этому стражу футбольных ворот.

В. Полевой в роли Давыдова.

«НЕ ДЛЯ СЛАВЫ...»

Быть главным режиссером областного театра нелегко. Если город не очень большой, значит, и зрителей не так уж много, но это еще полбеды, так как существует теперь у театров постоянная, зимой и летом, взаимная связь с окрестными районными городами и селами. Трудность иная; она в том, что выбрать для постановки, чем заинтересовать одинаково всех: и колхозников, и рабочих, и их детей, подрастающих зрителей.

Для Владимира Дмитриевича Соколова, год назад возглавившего Смоленский областной драматический театр, эта проблема стояла особенно остро. Ведь ему надо было начинать свой первый сезон в Смоленске.

— Приехал я сюда и сразу увидел, что город очень красив, — рассказывает Соколов. — Многие дома и улицы, скульптуры хранят память о событиях 1812 года, о героизме народа. Когда я узнал, что несколько лет назад в репертуаре смолян был «Денис Давыдов», — решил поставить заново этот спектакль по пьесе В. Соловьева, чтобы возродить для нынешних зрителей историю края, рассказать о людях того времени.

...Действующих лиц спектакля «Денис Давыдов» мы застаем в трудный час: Москва отдана Наполеону. Однако офицеры и солдаты русской армии пытаются сохранить спокойствие. Они знают Кутузова, верят в его полководческий гений. Но это армия. Воины. А вот для простого люда известие о сдаче столицы все равно что гром среди ясного неба. Первая реакция мужиков Фомы, Степана и Егора — перекреститься да бежать куда глаза глядят. Только пристыдила их Василиса.

В исполнении Л. Ставровской эта суровая, вооружившаяся вилами крестьянка — символ гнева и ненависти к врагам и угнетателям народа.

Не так уж много занято актеров в спектакле. Но благодаря очень точной режиссерской — прямо-таки «полководческой» — расстановке сил мужающий народ становится здесь главным героем. Ощущение силы и мощи стихийного протеста крестьян и рождает мысль Дениса Давыдова, офицера гусарского полка, о создании партизанского отряда.

Артист В. Полевой в роли Давыдова избежал многих соблазнов, создавая образ храброго и бравого русского офицера. Здесь легко можно было сбиться на чисто внешние эффекты, на эдакую «показуху» в образе вояки, гусара, не знающего удержу ни в боях, ни в веселье, ни в любви. Но перед нами человек глубокий, думающий. Он непримирим к врагам, к предателям родины. Он честен и самоотвержен в дружбе. Он искренне страдает от неразделенной любви.

Спектакль вообще интересен сильными актерскими работами; это и лукаво-мудрый фельдмаршал Кутузов — С. Чередников, и трусливо-жестокий помещик Масленников — А. Юкляевский, и смекалистый мужик Степан — В. Кабанов... Тут можно говорить о так называемой «актерской драматургии», когда каждый исполнитель, следуя воле драматурга и режиссера, в то же время дополняет рисунок роли своими индивидуальными, насыщенными, очень яркими красками, будь то большая или эпизодическая роль. Даже символический хоровод девушек в черном, появляющийся в самые драматические моменты,— это всякий раз новый образ спектакля, поэтически формулирующий его содержание.

«Денис Давыдов» патриотичен. Это исходит из текста пьесы Владимира Соловьева, игры актеров, режиссуры. Это подчеркивает и работа художника К. Гусева, оформившего сцену лаконично, но колоритно, с точным адресом — Россия...

— Театру еще предстоит большая работа по формированию своего репертуара, — продолжил наш разговор В. Д. Соколов. — В следующих постановках мы вернемся из истории в современность, чтобы затронуть проблемы жизни сегодняшней.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото А. Лиепиньша

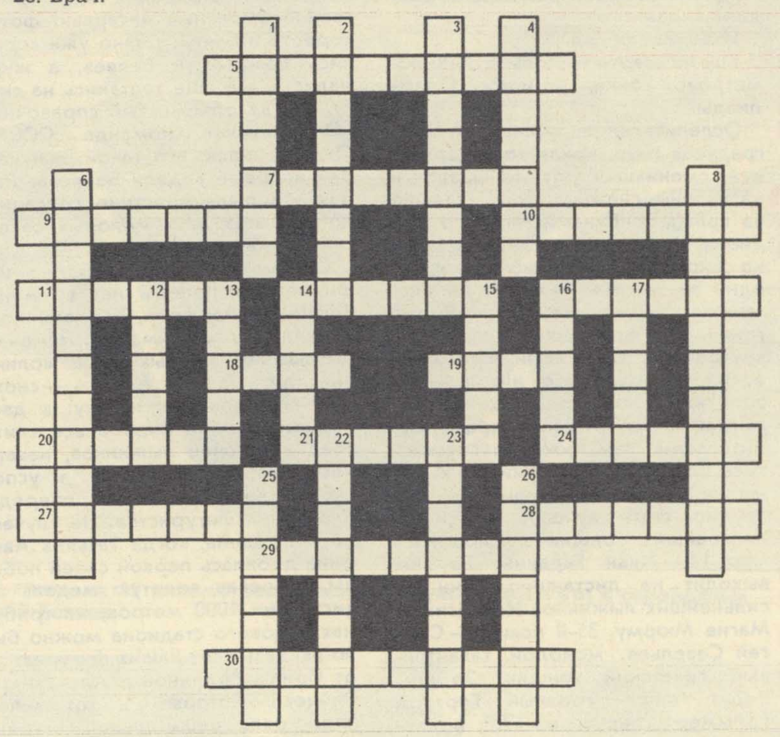
Артисты С. Чередников и В. Кабанов в спектакле «Денис Давыдов».

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский живописец XVIII—XIX веков. 7. Сорт яблок. 9. Отблеск далекой грозы. 10. Курорт в Львовской области. 11. Спутник планеты Марс. 14. Мелкая французская монета. 16. Духовой инструмент. 18. Боевая машина. 19. Областной центр в РСФСР. 20. Повесть Л. Н. Толстого. 21. Музыкальный интервал. 24. Земляной орех. 27. Место для показа товаров, экспонатов. 28. Аппарат для размножения рукописей, схем. 29. Разновидность линолеума. 30. Плавучая пристань.

По вертикали: 1. Государство в Западной Африке. 2. Мех. 3. Итальянский физиолог, один из основателей учения об электрическом токе. 4. Самый большой остров в Балтийском море. 6. Дисциплина, изучающая древние рукописи. 8. Советский радиотехник, академик. 12. Рыба семейства корюшковых. 13. Единица измерения времени. 14. Тригонометрическая функция. 15. Река в Якутии. 16. Лабораторный сосуд. 17. Надстройка на палубе судна. 22. Актриса МХАТа. 23. Птица отряда куликов. 25. Длинный балкон вдоль здания. 26. Врач.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 7. Толстой. 9. Дубрава. 10. Имандра. 11. Мимас. 13. Бажан. 14. Ратин. 16. Кантата. 17. Еврипид. 18. Россини. 20. Тангенс. 22. Вента. 23. Горка. 25. Кварц. 27. Четверг. 29. Трибуна. 30. Моховик.

По вертикали: 1. Засека. 2. Карета. 3. Коврига. 4. Сочи. 5. Лупа. 6. Гварани. 8. Константиновка. 12. Ставрида. 13. Барвинок. 14. «Разлив». 15. Нежата. 19. Осокорь. 21. Наречие. 24. Казбич. 26. Ворона. 27. Чуня. 28. Гром.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Делегат XXV съезда КПСС бригадир А. Тер-Тачатян и монтажник Н. Симонян. (См. в номере материал «Без права на ошибки».)

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Делегат XXV съезда КПСС бригадир Равис Сабирзянов (справа) строит город. Может быть, именно в доме, который возводят он и его друзья, получит квартиру Лидия Колпакова, слесарь главного конвейера КамАЗа. На главном конвейере (нижний рисунок) работает и бригада сборщиков участка шасси Виктора Мальцева.

Рисунки художника И. Пчелко к статье Ф. А. Табеева «Гигант на Каме». Стр. 12—16.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/I — 76 г. А 00619. Подп. к печ. 10/II — 76 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 507. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1656.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

См. стр. 4—5.

предстояла большая. Вот ведь как меняются времена! ГДР вошла в строй зимних держав. Ее спортсмены готовы к борьбе с традиционными победителями Белых Олимпиад — скандинавами, австрийцами, французами. Теперь почти во всех видах зимнего спорта у спортсменов ГДР крепкие позиции.

Но кто же безропотно уступает победу, к которой стремился четыре долгих года? Здесь, на зеефельдской лыжне, на склонах Лицума и Пачеркофеля, на горе Бергизель, на саночных трассах Иглься, на дорожке олимпийского стадиона борьба предстояла небывалого накала.

Итак, Зеефельд.

Мы на старте не только 30-километровой гонки, но и всей Олимпиады.

Ослепительное солнце. Мороз градусов пять. Яркая толпа зрителей, сменившая уютные шезлонги на склоны снежных гор, ставшие на время трибунами лыжного стадиона. И гонщики, затянутые, словно акробаты, в тонкие костюмы, один за другим уносятся на дистанцию. Таковы внешние приметы гонки. Но есть еще и приметы внутренние. Стартовый протокол, если научиться его читать,— это волнующий сценарий еще не разыгранных спортивных драм. Судите сами. Чем ниже вы спускаетесь построчно от фамилии к фамилии, тем яснее понимаете, как трудно стать лучшим среди 69 сильнейших гонщиков мира. Номер 14 — Иван Гаранин. За ним выходит на дистанцию один из сильнейших лыжников Норвегии — Магне Мюрму. 35-й номер — Сергей Савельев, молодой талантливый советский гонщик. За ним берут старт грозный Герхард Гриммер, гонщик из ГДР, норвежец Ивар Форму, тот, что выиграл пять предолимпийских соревнований. Под номером 51 пойдет Николай Бажуков, выросший далеко на севере, в столице Коми АССР Сыктывкаре,— так же, как и успевший пройти большую закалку Василий Рочев, стартующий спустя две минуты после Бажукова. Завершают стартовый ряд надежда Финляндии Арто Койвисто и знаменитый швед Свен-Оке Лундбек.

Возглавил гонку Бажуков и вел ее до самых последних минут, но финишировал всего лишь пятым, растеряв преимущество. Еще хуже сложились дела у Рочева, он закончил борьбу восьмым. Лидирует молодой американец Уильям Кох. Отлично идут финн Мието и гонщик из ГДР Герт-Дитмар Клаузе. Но от километра к километру увеличивает темп Савельев и завершает гонку с лучшим временем дня. А Гаранин выходит на третье место, оттеснив на четвертое финна Мието.

Точно такая же ситуация повторилась в гонке биатлонистов. Когда лидер гонки Александр Тихонов неудачно отстрелялся на последнем, четвертом рубеже и получил сразу шесть минут штрафа, его тут же «заменил» Николай Круглов, оставив Хейкки Иколе только вторую ступеньку пьедестала почета, а на третью поднялся наш Александр Елизаров.

И снова похожая картина: когда настал час новой гонки, на сей раз на 15 километров, где наши соперники пытались взять реванш, советские лыжники не пропустили вперед ни финна Арто Койвисто, ни норвежца Ивара Форму, хотя признанный лидер нашей команды Юрий Скобов не смог возглавить борьбу. Ее возглавил сначала самый молодой — Евгений Беляев, а затем он передал «бразды правления» Николаю Бажукову. Да, да, тому самому Бажукову, который всего два дня назад, имея все шансы на успех, уступил золотую медаль. Теперь он ее не отдал! Теперь он добился своего! И надо было видеть, как обнимал и целовал товарища Беляев, которого Бажуков оставил вторым. И надо было видеть, с каким почтением провожали победителей спортивные обозреватели скандинавской прессы, забрасывая их на ходу вопросами, а рядом с ними брали свои безмолвные интервью фотокорреспонденты. Давно уже скрылись Бажуков и Беляев, а журналисты все еще топтались на снегу, листая объемистый справочник «Олимпийская команда СССР». Они не знали, кто такой Бажуков, они впервые видели Беляева. Для них это была поистине сенсация: победа этих двух молодых советских лыжников.

Описывать более подробно наши первые победы нет времени. Важно подчеркнуть, что они позволили советским спортсменам «заказывать музыку» на «олимпийском балу». А нам — снова осознать важную истину: в двенадцатидневной борьбе все слито воедино; почин лыжников, наверное, помог скороходам, а успех скороходов, в свою очередь, вдохновил фигуристов. Не случайно в тот день, когда Татьяна Аверина добилась первой своей победы, завоевав золотую медаль на дистанции 1000 метров, на трибунах ледового стадиона можно было увидеть всех наших фигуристов, от Ирины Родниной и Александра Зайцева, которым в тот вечер предстояла решительная встреча со своими грозными соперниками, фигуристами из ГДР, до нашей юной дебютантки Лены Водорезовой.

И сегодня мы уже можем от всей души поздравить с олимпийским «золотом» Инсбрука их самих, прославленных наших фигуристов: Ирину Роднину, ставшую двукратной олимпийской чемпионкой, и Александра Зайцева; великолепную танцевальную пару, покорившую всех своим замечательным искусством,— Людмилу Пахомову и Александра Горшкова, которым по праву досталось впервые на Олимпиадах разыгрывавшееся первенство среди танцоров. А на вторую ступеньку почета поднялся другой наш танцевальный дуэт — Ирина Моисеева и Андрей Миненков.

Конечно, спорт есть спорт. В нем невозможно учесть все до конца. В этом, как известно, его притягательная сила. Разве можно было подумать, что молодые соратники Ирины Родниной и Александра Зайцева — Ирина Воробьева и Александр Власов, казалось, уже обеспечив себе бронзовые медали, отдадут их паре из ГДР — Мануэле Гросс и Уве Кагельману? И как же огорчилась вся наша команда неожиданному поражению молодой пары, как пыталась утешить их! Ах, если можно было бы и в жизни использовать технику возвращающегося кадра, которая так часто применяется на телевидении, предупредить Ирину Воробьеву от двойного падения. Но, увы, не в силах мы остановить мгновение. Секундомеры пущены. Олимпиада набирает ход, и нам остается ждать ее завершения.

Татьяна Аверина в беге на 1000 метров.

Золотой дебют Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова.

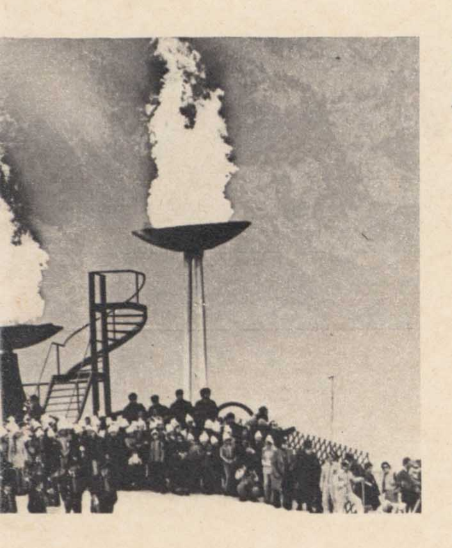

Чемпион Олимпиады в лыжной гонке на 15 километров Николай Бажуков (справа) и серебряный призер на этой дистанции Евгений Беляев.

Огни олимпийского Инсбрука.

Чемпионка Олимпийских игр Хелена Такало (Финляндия).

Николай Круглов — старт к «золоту».

Двукратный чемпион в зимнем двоеборье Ульрих Велинг (ГДР).

Цена номера 30 коп. Индекс 70663

